

АЛЕКСАНДР ДЮМА-ОТЕЦ И РОССИЯ

Статья С. Дурыхина

Свыше столетия Александр Дюма-отец не сходит с русской сцены: его драма «Генрих III и его двор» появилась у нас впервые в 1829 г., через несколько месяцев после появления ее в Париже, а его «Кин» и доныне исполняется на советской сцене. В течение целого столетия романы и повести Дюма находятся в руках русского читателя: начиная с половины 30-х годов, в журналах появляются переводы первых повестей Дюма, и поток переводов, то ослабевая, то усиливаясь («Собрание романов» Дюма, под ред. П. В. Быкова, в издании Сойкина, выпущенное в 1916—1917 гг., заняло 40 томов), достигает наших дней: избранные романы Дюма с большим успехом переиздаются и в советское время (4-томное издание «Academia», 1928—1929). Дюма в русской литературе пережил неоднократную смену читателей.

В 30-х годах одним из первых русских переводчиков Дюма был основатель русской демократической критики, Белинский, а одним из первых его читателей — Герцен. Дюма усердно переводился в лучших русских журналах 1830—1840 годов и в то же время в подлиннике оставался любимым автором читателей из дворянских особняков и светских гостиных.

В 1850—1860 годах положение изменилось. Тот же Герцен рассматривал успех Дюма в России, как явление отрицательное. Произведения Дюма исчезают со страниц серьезных журналов. В эпоху формирования революционно-демократической идеологии и литературы в России, в эпоху критической деятельности Чернышевского и Добролюбова и появления в литературе произведений Гончарова, Тургенева, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, дававших правдивую картину застоя русской жизни и ставивших перед читателем вопросы высокой общественной важности, — авантюрно-исторические романы Дюма фельетонного жанра являлись отрицательным образцом того легкого чтения, которое уводило читателя и писателя от больших и сложных вопросов русской политической действительности тех лет.

Но в дальнейшие десятилетия, в реакционную пору 80-х годов, Дюма получает новую роль в русской литературе: он привлекает к книге новые массы читателей. Демократического читателя Дюма привлекал к книге блеском своего повествовательного мастерства, — и этот читатель мало-помалу привыкал искать в приключенческой фантастике Дюма, в его культе сильной личности выхода из скудных рамок русской действительности 1880—1890 годов. Недаром таким благодарным словом поминает Дюма величайший из пролетарских писателей нашей страны, А. М. Горький, для которого Дюма в свое время явился одним из профессоров того «университета» литературы, в котором обучался автор «На дне».

Эту роль Дюма сыграл и в литературе 1905—1917 гг., когда вышло наиболее полное собрание его романов: оно попало в руки учащейся молодежи и широких кругов провинциального демократического читателя.

От лучших романов Дюма, как верно отметил А. А. Смирнов в своем предисловии к советскому изданию «Трех мушкетеров», «веет на нас освежающим, бодрящим, радостным чувством жизни. Романы Дюма насыщены культом силы и мужества». Это не может не создавать им успеха и у советского читателя.

Но Дюма связан с Россией не только через книгу: он был в России, он лично знал ряд выдающихся русских писателей.

Путешествие Дюма по России в 1858—1859 гг. общеизвестно: Дюма посвятил ему 7 томов своих книг «En Russie» и «Le Caucase» и описал его с полнотою рассказчика, довольного своим сюжетом. Но и самому Дюма и всем его биографам остались неведомы те условия, в которых он, в действительности, совершал свое путешествие. Эти условия выясняются только теперь, когда архив III отделения—архив русской тайной полиции—стал достоянием исследователей. Второй очерк предлагаемой работы и приоткрывает на основе новых материалов подлинную картину русского путешествия Дюма.

Первый очерк вскрывает эпизод из биографии Дюма, о котором сам он предпочитал молчать,—его попытку получить русский орден от императора Николая I. Эпизод этот развертывает новую, неизвестную страницу в биографии знаменитого романиста. Она тесно связана с той главой его творческой биографии, которая посвящена его роману «Mémoires d'un maître d'armes»—роману, сюжет которого взят из русской жизни 20-х годов. Первый очерк основан также на неизданном материале.

I. АЛЕКСАНДР ДЮМА-ОТЕЦ И НИКОЛАЙ I

11 февраля 1829 г.—день первого представления драмы Александра Дюма-отца «Генрих III и его двор» в парижском Théâtre Français—был днем, с которого началась эра его необыкновенного успеха и широчайшей известности. Дата эта вписана крупным шрифтом не только в биографию Дюма, но и в историю романтизма: успех пьесы Дюма был первым триумфом романтической драмы.

Успех Дюма-драматурга быстро перешел за пределы Франции. Через восемь месяцев его «Генрих III» уже шел в Петербурге. В воспоминаниях известной артистки А. М. Каратыгиной читаем: «14-го октября 1829 года играна на нашей сцене первая пьеса А. Дюма «Генрих III и его двор». Герцога и герцогиню де Гиз играли муж мой [В. А. Каратыгин] и я; успех был колоссальный. Через два года Е. М. Хитрово привезла нам полученную ею из Парижа пьесу Дюма «Антоний», которую мой муж перевел для своего бенефиса. Вслед за тем перевел он «Ричарда д'Арлингтона», «Терезу» и «Кина», все три пьесы того же автора. Эти пьесы произвели совершенный переворот на нашей сцене, на которой до тех пор господствовал классицизм, а с тех пор вытеснен был романтизмом». Каратыгина не преувеличивает русского успеха драм и мелодрам Дюма. Их петербургские премьеры обычно следовали за парижскими с промежутком всего в несколько месяцев¹.

Публика, переполнявшая театр в вечера их представлений, состояла не только из обычных его посетителей — чиновничества и купечества, но и из представителей высших кругов дворянства, редко заглядывавших в русскую драму, предпочитая ей балет, итальянскую оперу и французскую комедию. В одном из набросков Пушкина к «Египетским ночам», зарисовывающих петербургский высший свет, «княгиня Д.» замечает: «Вчера мы смотрели „Antony“».

Княгиня вспоминает здесь бенефис В. А. Каратыгина, бывший 11 января 1832 г. и привлечший высшее общество столицы. В профиле самой «княгини Д.», набросанном Пушкиным, приметны черты Е. М. Хитрово, от которой Каратыгин и получил «Antony» Дюма. В другой раз Е. М. Хитрово снабдила новой драмой Дюма самого Пушкина. 9 декабря 1830 г. поэт, только что вернувшийся из Болдина, писал ей: «По возвращении в Москву я нашел у кн. Долгоруковой пакет от вас. Это были французские газеты и трагедия Дюма»². Е. М. Хитрово была ревностной пропагандисткой драматургии Дюма в России, а великий русский поэт не без внимания следил за его драматургической деятельностью.

Шесть лет спустя Н. В. Гоголь был встревожен успехом мелодрам Дюма на русской сцене. В своих «Петербургских записках 1836 года», помещенных в 1837 г. в пушкинском «Современнике», Гоголь, отдавший в этом году в театр «Ревизора», писал с тревогой и возмущением: «Уже лет пять, как мелодрамы и водевили завладели театрами всего света. Какое обезьянство! И пусть бы еще поветрие это занесено было могуществом мановения гения! Когда весь мир ладил под лиру Байрона, это не было смешно; в этом стремлении было даже что-то утешительное. Но Дюма, Дюканы и другие стали всемирными законодателями!.. Клянусь, XIX век будет стыдиться за эти пять лет»³.

Этот выпад против нашествия мелодрамы (примечательно, что первым в ряду ее творцов назван Дюма) был в устах Гоголя тем естественней и горячее, что как раз в это время автор «Ревизора» возводил здание реалистической комедии, все драматургические и идейные основания которой были противоположны мелодраме.

Статья Гоголя, с тревогой отмечавшая семилетний, все растущий успех Дюма на русской сцене, борется с его мелодраматическим романтизмом во имя того сатирического реализма, который сделал из «Ревизора», шедшего на Александринской сцене рядом с мелодрамами Дюма, обвинительный акт против реакционного режима Николая I.

Но успех Дюма возбуждал тревогу и в другом, противоположном лагере, по совершенно другим основаниям. В том же году, когда появилась статья Гоголя, против Дюма выступил влиятельный театральный критик Фаддей Булгарин. Вспомнив, по поводу первого представления «Кина», ряд мятежных или, по крайней мере, необузданных героев прежних пьес Дюма, этот литературно-театральный агент политической полиции писал в своей рецензии: «Наконец мы видим бешеного Кина, знаменитого развратника, которого Дюма на этот раз выбрал своим героем. Внимательный наблюдатель может заметить одну странную и совершенно ложную идею, постоянно господствующую во всех драмах Дюма. Избрав своим героем какое-нибудь лицо, которое родится с печатью отвержения на лице, человека, которого порядочное общество весьма справедливо не может допустить в свой круг, он силится представить по этому случаю несправедливость людей, всячески унижить их своим героем, надругаться над обществом

его устами. Если метрическое свидетельство ваше в порядке—вы никогда не будете героем Дюма»⁴.

Булгарин указывал в этой рецензии если не на политическую, то на социальную неблагонадежность мелодрамы Дюма. Герой его мелодрамы— всегда человек, у которого неблагополучно с его происхождением, или, хуже того,—это человек, который сошел со своего узаконенного социального места и ищет выхода за те пределы, которые существующий общественный строй ставит чувству, воле и мысли отдельной личности.

Русская цензура старалась вытравить из мелодрам Дюма малейший оттенок политической мысли, изъять оттуда мельчайшую деталь свободомыслия. Рассматривая переведенную В. А. Каратыгиным драму Дюма «Ричард Дарлингтон», цензор Ольдекоп докладывал: «Пьеса сия принадлежит к новейшим сочинениям французского искусства, следовательно, основана на ужасе, и сочинитель достиг своей цели, прибавляя к сему споры при выборах депутатов для английского парламента... Без сомнения, что сия уродливая пьеса не могла быть представлена на театрах в России, но г. Каратыгин старший, который занимался переводом сей драмы, умел устранить все неприличное и несвойственное для сцены, как, например, весь пролог и выборы депутатов. В сем виде пьеса имеет нравственную цель»⁵.

Чтобы сделать драму Дюма цензурной, Каратыгину пришлось выбросить сцену, изображающую такое обычное явление политической жизни Запада, о котором не смел ничего знать верноподданный Николая I.

Однако, мелодрама Дюма делала свое дело, завоевывая репертуар театра столиц и провинции. У нее было и то, что называется *succès d'honneur*, и то, что зовется *succès des larmes*: ужасая или умиляя зрителя, она открывала пред ним, приученным к кругозору казенной благонамеренности и прописной мещанской морали, возможность иных чувств, свободу иных желаний, вольность иных стремлений. Романтический яд, хотя и допускаемый для русского зрителя в гомеопатических дозах, оказывал свое действие.

Скоро этот романтический яд Дюма перешел из театра в книгу. Характерно, что одним из первых пропагандистов Дюма-романиста явился будущий идеолог русской демократии, Белинский. В 1834 г. в «Телескопе» Надеждина появились его переводы из А. Дюма—«Месть. Из путевых впечатлений» и «Гора Гемми. Из путевых впечатлений». Суждение критика о Дюма было в ту пору восторженным. Давая отзыв на книгу «Современные повести модных писателей. Собраны, переведены и изданы Ф. Кони», Белинский писал: «Выбор пьес не слишком строг, ибо только первая повесть «Маскарад», которая в кратком, молниеносном очерке заключает глубокую поэтическую мысль и живую картину человеческого сердца и носит в себе яркую печать мощного и энергического таланта знаменитого Александра Дюма, достойна особенно внимания»⁶.

Отзыв этот свидетельствует о том, что молодой Белинский был настолько пленен яркостью, страстностью и жизнерадостностью таланта Дюма, что готов был приписать ему и то, чем он никогда не был богат,—глубину мысли и правдивость психологического анализа. Внимательным читателем Дюма в эту эпоху был и Герцен. 5 декабря 1836 г. он писал своей невесте, Н. А. Захарьиной, из вятской ссылки: «Попроси, чтоб тебе достали 16 № «Телескопа», прочти там повесть «Красная роза» [А. Дюма]; ты найдешь в Бианке знакомое, родное твоей душе»⁷.

à Monsieur Van der Polder

Alexandre Dumas

АЛЕКСАНДР ДЮМА (отец)

Фотография, подаренная писателем в России художнику И. Робильтю

Частное собрание, Москва

Успех Дюма у русского читателя был велик и прочен. В тридцатых и сороковых годах переводы его романов и повестей не переставали появляться во всех журналах, без различия направлений,—в «Телескопе», «Библиотеке для Чтения», «Отечественных Записках» и др. В 1829 г. появилось и первое русское издание отдельного произведения Дюма—это был перевод драмы «Генрих III и его двор». За ним последовали отдельные издания повестей и романов. Но апогей русского успеха Дюма-романиста падает на более поздние годы (конец 40-х—50-е годы): в 30-х и в первой половине 40-х годов первенство в успехе бесспорно принадлежит Дюма-драматургу.

Дюма знал об этом успехе. Когда Каратыгин с женою приехали в 1845 г. в Париж, они нашли однажды у себя на столе записку. «Когда мы прочитали записку,—рассказывает А. М. Каратыгина,—то увидели, что это был Александр Дюма-отец, который узнал от встретившегося ему русского, что Каратыгины в Париже. Он приглашал нас в это же утро заехать на минуту в театр Ambigu-Comique, где он будет на репетиции своей драмы «Les Mousquetaires», назначенной к представлению на днях. Мы тотчас же поехали, послали на сцену сказать ему о себе и он побежал к нам с криком: «Arrivez-donc, cher Caratiguine!» [Входите же, дорогой Каратыгин!] и кинулся к мужу моему на шею. На благодарность мою, что он встречает нас как бы старых знакомых, он отвечал, что он действительно давно нас знает коротко, по рассказам наших соотечественников и французских путешественников, и что он считает себя обязанным моему мужу, который перевел лучшие его пьесы и сам с женою разыграл их так, как многие не были разыграны и в Париже»⁸.

В среду 10 апреля 1839 г. в Париже, в Théâtre de la Renaissance, состоялась премьера новой драмы Дюма «L'Alchimiste» («Алхимик»).

Драма эта, построенная по тем же чертежам, которые приносили неизменный успех мелодраматическим постройкам Дюма, не встретила приветливого приема у критики. Ф. Боннер в «Revue de Paris» две трети своего отчета о спектакле «Алхимика» посвятил обнаружению тех авторов, из которых обильно черпал Дюма, и прямо указывал, что «Алхимик»—копия драмы «Фацио» англичанина Мильмана (1791—1868)—«копия, сделанная в более холодных тонах, чем оригинал, это правда, но, однако, и менее правдивая, и менее эффектная»⁹.

Молва утверждала,—и это подтвердилось впоследствии,—что, плохую или хорошую, эту копию Дюма писал большею частью рукою Жерара де Нерваля, двумя годами раньше написавшего для него же либретто оперы «Piquillo». Позже называли и второго его сотрудника—Корделье-Делану.

Дюма оказывался не совсем чужд преступлению своего алхимика.

Но, как бы ни встречен был «Алхимик» парижской печатью, появление новой драмы прославленного автора было событием парижского дня: Дюма был и оставался неизменным, ни с кем не сравнимым любимцем большой парижской публики.

12 мая 1839 г.—задолго до того, как «Алхимик» Дюма появился в печати—один из бесчисленных знакомцев Дюма, французский журналист, имя которого мы тщетно бы искали в словарях, бывший редактор «Journal de Francfort», Шарль Дюран (Charles Durand, ум. ок. 1848), обратился со следующим письмом к русскому министру народного просвещения Уварову:

Перевод:

Секретно

Его превосходительству графу Уварову
министру народного просвещения в России

Ваше превосходительство!

Возвратясь в Париж после десятилетнего отсутствия, я не могу передать вам в одном письме все перемены, которые я нашел там как в людях, так и в делах. Теории легитимистов забыты; республиканские павианы укрощены; примирение принято по необходимости и за неимением лучшего; интересы перестают мало-помалу называться мнениями, и все разумные люди превратились в людей деловых, — вот зрелище, которое нельзя себе представить сразу. Одним из сюрпризов, наиболее приятных для меня, было видеть, что смешное предубеждение, существовавшее во Франции против того, кто является самым священным в вашей стране и в ваших сердцах, если и не вполне уничтожено, то, во всяком случае, в большей мере изжито. Газеты не смеют еще отречься от предубеждения, но у людей уже почти у всех открылись глаза не столько на политику, сколько на личность вашего великого императора.

Граф Молэ, г. Монталивэ и г. Гаспарен мне подробно говорили о нейтралитете, который намеревается сохранить Франция во всех восточных делах, и о короле Луи-Филиппе, который всегда сожалеет о том, что он не может открыто действовать для России без риска поссориться с Австрией, так же сильно настроенной против вас, как и Англия (дословно). Либеральные журналисты из снисходительности принимают то тут, то там несколько мелких статей какого-нибудь польского графа, но сами они их больше не пишут, и ваше превосходительство были бы сильно поражены теми признаниями, которые, как слышу, делают многие из них, а именно: что до сих пор очень плохо знали свойства личности императора. Отличие, пожалованное Орасу Верне, было прекрасным политическим жестом. Все артисты Франции почувствовали себя награжденными или призванными к награде, и имя императора Николая стало популярным среди них.

Со старой литературой покончено. В новой поднимаются два замечательных человека: Гюго, великий поэт и, по моему мнению, посредственный драматург, и Дюма (Александр) — самая плодovitая драматургическая голова нашего времени, хотя, как поэт, он уступает Ламартину и Гюго.

Первое место, занимаемое Александром Дюма в драматургическом мире, озарено особенно ярким блеском в тот момент, когда весь Париж склоняется одновременно перед «M-Ile de Belle-Isle» у «французов» и перед «Алхимиком» в театре «Renaissance».

Поднести свой манускрипт его величеству императору Николаю в знак уважения и удивления — вот мысль нашего первого писателя-драматурга. Он просил у меня совета, к кому он должен обратиться с просьбой низложить к стопам императора драму, написанную его рукой, с несколькими маленькими украшениями, сделанными его друзьями — первыми художниками Парижа. Я, радуясь, что французское образованное общество идет по пути, который я имел честь первый указать всем благомыслящим, посмел обещать Александру Дюма адресовать его манускрипт вам, лично вам, так как близко знаю ваш благородный характер и высокую просвещенность, с просьбой довести его рукопись до высокого назначения.

Примите, ваше превосходительство, эту миссию, достойную вас, она, может быть, тронет сердце его величества.

Не безразлично видеть такие почести, оказываемые императору от сердца страны, где он так долго был неизвестен, человеком сердечным и талантливым, достойным подать великий пример своим соотечественникам.

Ввиду того, что это письмо вполне секретное, я покорнейше прошу ваше превосходительство принять следующее замечание, как переданное в совершенной тайне.

Император Николай роздал несколько наград. Вполне возможно, что его величество сочтет своим долгом ответить на почтительное подношение Александра Дюма почетным знаком своего императорского благоволения. В таком случае, ваше превосходительство, для того, чтобы нанести парижским полякам удар сокрушительный и необходимый, не было ли бы уместно посоветовать его величеству пожаловать именно орден св. Станислава 2-й степени?

Если наши первые французские гении будут награждены царем, то не благоугодно ли было бы видеть их прогуливающимися перед поляками и их друзьями, нося на шее польский орден, пожалованный единственным истинным властителем Польши?

Ваше превосходительство обдумаете эту мысль, которую я вам почтительнейше представляю, прибавляя, что г. Дюма уже награжден несколькими орденами.

Благоволите принять уверение в преданности, вопреки времени и расстоянию, граф,

вашего превосходительства покорнейшего слуги

Ш. Дюрана

Париж, 12 мая 1839 г.¹⁰.

Это «письмо» французского журналиста есть секретное донесение тайного агента русского правительства. Агентом, с согласия Николая I, Дюран состоял с 1833 г. Он находился в прямых сношениях с шефом жандармов графом Бенкендорфом, которому посылал свои письма, обращая их к вымышленному «monsieur de Saint-George». В конце 1834 и начале 1835 гг. Дюран приезжал в Петербург и был представлен самому императору. Дюран занимал место главного редактора «Journal de Francfort», издававшегося бароном де Врэн (de Vrints) в консервативно-монархическом духе с целью противодействовать либерализму французской демократической печати. В тайной депеше графа Меттерниха, посланной из Вены графу Бенкендорфу от 27 апреля 1839 г. (следовательно, за полмесяца до письма Дюрана к Уварову), мы читаем: «Уже несколько лет, как петербургский и берлинский кабинеты, наряду с нами, признали полезным влиять на консервативное направление «Франкфуртского Журнала». Вашему превосходительству известно, что г-н Дюран, главный редактор газеты, получал до сих пор субсидию от наших трех правительств. Этот журналист, обладающий несомненным талантом, посвящал этому делу свое перо не столько по убеждению, сколько из-за выгоды»¹¹.

Доволен ли был прусский коллега Меттерниха работой Дюрана во «Франкфуртском Журнале», издаваемом на русско-прусско-австрийские деньги, мы не знаем, но русские заказчики Дюрана были отменно довольны его трудами. В письме к «Сен-Жоржу» — Бенкендорфу от 30 июня 1839 г.

Дюран, напоминая ему о каком-то исполненном поручении в Теплице, писал: «Там я имел честь вас видеть и убедился, что моя деятельность ни в чем не вызвала вашего неудовольствия. Вы были так добры, вы подтвердили, что мной доволен человек [Николай I.—С. Д.], которому я хочу угодить больше, чем кому-либо на земле. Я был счастлив. Если

АРАМИС

Статуэтки императорского фарфорового завода, 1840—1850-е гг.

Музей керамики, Кусково

ПОРТОС

вам угодно вспомнить, я имел честь спрашивать вас, одобряете ли вы то направление, в котором велся журнал в последнее время. Вы мне совершенно справедливо ответили, что именно в журнале подобного рода Россия может получать защиту. Это мнение открыло мне глаза на многое. С тех пор меня не покидала мысль вернуться во Францию. Я вспоминал слова императора, голос которого до сих пор звучит в моих ушах:

«Господин Дюран, я никогда не забуду, что вы первый в Германии осмелились защищать истину». Тогда я сказал себе: «Почему же я не могу сделать в Париже того, что я сделал в Германии?».

Уход Дюрана из редакции «Франкфуртского Журнала» и переезд его в Париж, о котором Меттерних заранее, до настоящего письма Дюрана, с неудовольствием предупредил Бенкендорфа, объяснялись просто: поднявшая голову бонапартистская оппозиция перекупила ловкого журналиста для того, чтобы поставить его во главе бонапартистского издания «Le Capitole». Но, переходя в лагерь сторонников будущего Наполеона III, Дюран никак не хотел оставлять своей службы Николаю I. Наоборот, он заверял, как истый верноподданный, что именно «ради пользы службы» царю ему следует переехать из Франкфурта в Париж и стать во главе бонапартистской газеты. Он ставил пред Бенкендорфом вопрос: в какой парижской газете выгоднее всего обосноваться литературному агенту Николая I для того, чтобы успешнее всего действовать в интересах русского царя и его правительства? Связаться с католической прессой («Quotidienne») невозможно: там не выносят Николая I за то, что он нанес удар папе насильственным уничтожением унии в Литве и Белоруссии. «Легитимисты во Франции», предвещает Дюран Бенкендорфа, «заключили тайный союз против императора с иезуитами в Литве и с католическими патриотами в Польше. Церковь никогда не прощает. Мои попытки связаться с «Journal des Débats» были тщетны: повидимому, он субсидируется Англией». Министр внутренних дел Людовика-Филиппа, граф де Монталивâ, по словам Дюрана, «заигрывал» с ним, предлагая участие в газете, близкой к правительству. «Я ответил министру: „В продолжение семи лет я постоянно поддерживал русскую идею, чувствуя нечто вроде поклонения к России и ее императору. Несмотря на всю справедливость моей идеи, она пока еще не популярна во Франции. И для ее распространения и укрепления вы хотите соединить меня с г-ном Жирарденом и с «La Presse», т. е. с самым непопулярным человеком и самой непопулярной газетой в Париже?“».

Дюран отлично осведомлен, что Николай испытывал презрение к Людовику-Филиппу, считая его похитителем престола, колебателем всех основ легитимизма, защищать которые русский император почитал своим призванием. Вот почему Дюран с особым удовольствием спешит доложить Бенкендорфу: «По моему глубокому убеждению, младшая линия будет царствовать недолго. Короля ненавидят. Самые влиятельные из близких к нему людей так запачканы, что нельзя выразить испытываемое к ним презрение». Буржуазия оставила своего ставленника. Вспоминая недавнее революционное выступление бланкистов, Дюран со злорадством замечает: «В последних беспорядках участвовало не больше четырехсот или пятисот бродяг, которые в течение двух дней держали правительство в замешательстве, и ни один буржуа не схватил ни одного бунтовщика за шиворот». С достаточною зоркостью опытного шпионского глаза Дюран предрекает: «Конец подходит уже явно, потому что недовольство охватило всех. Несомненно, совершенно несомненно, что во Франции готовится новая революция. Вопрос только в том, в чью она будет пользу?».

Сам Дюран уверен, и сыщицкое чутье его не обмануло, что переворот (а не революция, как он пишет) в конце концов будет в пользу Луи-Наполеона.

Но каковы бы ни были зигзаги истории,—утверждает агент Бенкендорфа,—«для императора Николая могут быть благоприятны разные комбинации».

Одной из таких комбинаций и является та, которую Дюран намерен

проводить в новой бонапартистской газете. «Читайте внимательно выходящие номера,—просит Дюран шефа жандармов,—ваш острый ум скоро увидит сквозь либеральную оболочку, необходимую для французского читателя [газета Дюрана заигрывала даже с рабочими.—С. Д.], тайную мысль автора—сильная монархия, крупное военное имя, союз с Россией и ненависть к Англии».

Бенкендорф наложил на донесении Дюрана резолюцию: «Ответить ему, что с удовольствием читаю *le Capitole*, но боюсь, что на зыбкой почве Франции его основания не очень устойчивы»¹².

Другую—гораздо более маленькую—«комбинацией» Шарля Дюрана в пользу Николая I было предпринятое им обращение популярнейшего писателя Франции в приверженца и поклонника Николая I.

С этой «маленькой комбинацией» Дюран обратился и к более мелкому лицу из правящей петербургской верхушки. С министром народного просвещения, С. С. Уваровым, Дюран был знаком еще со времени своего пребывания в Петербурге. У Уварова в Париже было два своих «корреспондента министерства народного просвещения»—князь Элим Мещерский (1808—1844, с 1833 г.), чьей миссией было пропагандировать в парижских литературных кругах официальную идеологию империи Николая I, и Я. Н. Толстой (1791—1867), призванный защищать на почве французской журналистики политические интересы самодержавия и посылавший свои «корреспонденции» больше (а потом и исключительно) шефу жандармов, чем министру народного просвещения¹³. Дюран становится третьим «корреспондентом» министра народного просвещения. Его «корреспонденции» Уварову носят совершенно такой же характер, что и донесения Бенкендорфу: они озабочиваются повышением курса Николая I на бирже парижского общественного мнения. Но Уварова Дюран держит в стороне от тех сложных парижских политических контраверз, в которые до глубины посвящает Бенкендорфа: *quod licet Jovi, non licet bovi*. Так, Бенкендорфу,— правда, на полтора месяца позже,—Дюран открывает в подробностях, как низко пал политический курс Людовика-Филиппа, и не скрывает, что еще ниже стоит в Париже курс Николая I. Уварову, наоборот, Дюран «корреспондирует», что все обстоит благополучно.

Оказывается, «король-гражданин»—ревностный сторонник царя-самодержца: он охотно поддержал бы Николая I в его наступательной политике на Востоке, если бы не опасения нарваться на осложнения с Австрией. Недавний, на одну треть своих шпионских возможностей, слуга Меттерниха, Дюран шепчет Уварову на ухо, в надежде, что шопот дойдет до Николая I, совет короля—опасаться дружбы с Меттернихом, которому, после свидания с императором Францем в 1833 г., Николай вернул свое полное доверие. Свои приятные новости Дюран слышал, по его словам, из первоисточников: глава правительства граф Моль (*Louis-Mathieu Mole*, 1781—1855), образовавший в 1837 г. реакционный кабинет, просуществовавший до 1839 г. включительно, его ближайший помощник, министр внутренних дел граф де Монталива, и, наконец, граф де Гаспарен (*Gasparin*, 1783—1862), член палаты пэров в 1836 г., бывший министр внутренних дел—вот те лица, которые осведомили Дюрана о приятных для русского министра новостях.

Но самые приятные новости впереди. Они связаны с намечающейся переменой в отношениях французского общества к польскому вопросу. Известно, каким взрывом ненависти был встречен в Париже восемь лет

назад разгром польского восстания 1831 г. Теперь—если поверить Дюрану на 100%, а ему следует верить на 10%—теперь не то: интерес к Польше идет на убыль, а вместе с тем убывает и прежнее негодование против ее поработителя. Дюран, однако, не сочиняет, он только преувеличивает: установившийся режим крупной буржуазии меньше всего был способен рисковать потерей хотя одного франка из-за политической и военной поддержки Польши, но в то же время мало переменился в своих чувствах к петербургскому обер-полицеймейстеру Европы. Дюран был прав в одном, в указании на рост реакционных настроений буржуазной Франции: в тот самый день, когда он писал свою «корреспонденцию» Уварову, 12 мая 1839 г., в Париже было раздавлено революционное выступление бланкистов. Дюран спешит поделиться с Уваровым планом использования этих реакционных настроений для попыток реабилитации имени Николая I во французском общественном мнении. Русский император должен, согласно этому плану, поправить свою плохую репутацию, выступив в Париже под гримом покровителя искусств и литературы.

Сделать это,—полагает Дюран,—тем легче, что еще недавно на глазах Франции и Европы Николай I отлично сыграл роль такого покровителя. Дюран имеет в виду придворный триумф, устроенный в Петербурге знаменитому живописцу Орасу Верне (1789—1863). Признанный первым баталистом своего времени, Верне мог бы считаться и одним из лучших дипломатов своей, богатой переменами, эпохи. В 1811—1815 гг. он прославлял своею кистью походы Наполеона I, пожаловавшего ему за это орден Почетного легиона. Реставрация не помешала Верне сделаться в 1826 г. членом Академии художеств и заручиться покровительством герцога Орлеанского, а через него и милостью Карла X. Верне стал теперь живописать баталии Людовика XIV. Любой император и король Европы готов был признать его великим художником, так как каждый мечтал видеть его летописцем своих военных предприятий и придворных парадов. Слегка повздорив с Людовиком-Филиппом, требовавшим изобразить Людовика XIV на «Осаде Валансьена», при которой он не присутствовал, Верне, занимавший в это время пост директора «Королевской академии изящных искусств» (*l'Académie Royale des Beaux Arts*), решил поискать другого заказчика, покрупнее и пощедрее. Николай I знал, что никто лучше Верне не мог бы составить живописных реляций потомству об его победах над турками и поляками, и потому сам первый поднял пред знаменитым баталистом шлагбаум в Петербург.

Парижский меценат с русскими миллионами и итальянским титулом князя Сан-Донато, Анатолий Демидов, состоявший при русском посольстве в Париже, писал 16/28 мая 1836 г. министру императорского двора князю П. М. Волконскому: «Его величество император уже давно говорил маршалу Мезону и г-ну Баранту [французским послам при русском дворе.—С. Д.] о своем желании видеть Ораса Верне в России. После предложений, сделанных ему г-ном Ладурнером (*Ladurneur*), он вступил с ним в переписку. Убедившись, что его приезд будет приятен императору, он решился отправиться в Петербург. Спешу известить вас, что он поедет в середине июня на пароходе и прибудет в конце месяца. Прошу вас известить его величество об этом приезде. Хотя репутация г-на О. Верне слишком хорошо известна и заслуженна, чтобы нуждаться в рекомендациях, осмеливаюсь просить для него вашей благосклонной поддержки, будучи уверен, что вы окажете ему наилучший прием. Мы все должны

КАРИКАТУРА
НА АЛЕКСАНДРА ДЮМА (отца)
„Карикатурный Пантеон“, 1841 г.

Карикатурамио Дюмаиномъ

АЛЕКСАНДРЪ ДЮМА.

*Почтенный Дюма де Вильверде,
любимый отец мой,
ты только путешествовал,
но как ты обильно путешествовал!
Как был со всеми друзьями,
и путешествовал по Франции,
по Европе, по Азии,
куда только путешествовал!*

гордиться тем, что можем оказать гостеприимство в нашей стране столь крупному художнику, пребывание которого в нашем отечестве еще более выдвинет его»¹⁴.

Желанный гость Николая I, Верне встретил в Петербурге блистательный прием. Верне был, как говорили в ту пору, «обласкан» царем. Император, а за ним и петербургская знать завалили Верне заказами. Верне писал для Николая батальные картины, дворцовые и гвардейские сцены, делал эскизы трех коронаций—Павла I, Александра I, Николая I и т. д. Батального живописца Николай I награждал по-батальному: при посещении им Царскосельского арсенала, 17 июля 1836 г., царь подарил ему «четыре предмета оружия». 18 августа 1836 г. последовал «Указ» Николая I «капитулу российских императорских и царских орденов»: «В ознаменование благоволения нашего всемилостивейше жалуем кавалером императорского и царского ордена нашего святого Станислава третьей степени французского подданного живописца Гораса Вернета, повелевая капитулу снабдить его орденским знаком при установленной грамоте»¹⁵. Николай пожаловал французского баталиста польским орденом, принятым в число российских орденов при присоединении Польши. В один из следующих приездов в Россию Верне отблагодарил Николая I за польский орден картиной, воспевающей крупнейшую польскую победу царя, предшествовавшую падению Варшавы в 1831 г.,—«Взятие укрепления Воли». Николай I щедро платил художнику (так, за картину «Шествие их величеств из Царскосельского арсенала в карусель» было заплачено 50 000 франков)

и осыпал его подарками (художнику были подарены рысак с санями, яшмовая чаша и т. д.). В 1843 г. Верне были пожалованы алмазные знаки ордена св. Анны 2-й степени¹⁶.

Целый поток золота, подарков, наград! За все это Орас Верне оставил Николаю I целую галерею картин, создавших апофеоз царской—придворной и военной—России. Апофеоз этот писался слишком двадцать лет. В 1839 г. было видно только его начало, но это начало было так удачно, что Дюран желал повторить с блестящим французским писателем то, что уже осуществилось с замечательным художником: Дюма должен был сыграть роль второго Верне.

Роль эта должна была быть проведена сходно до подробностей: до Станислава, жалуемого Николаем для того, чтобы дразнить им польских эмигрантов, живших в Париже.

Писательская известность Дюма представлялась Дюрану гораздо шире, чем известность Гюго: имя Дюма было на устах тех, кто не заглядывал в иные книги, чем романы Дюма, или даже тех, кто не заглядывал ни в какие книги, но посещал театр, где Дюма был первым драматургом по популярности. Орден, данный Николаем I, будет на груди Дюма виднее, чем у любого из других французских писателей. Успех у широкой публики одновременно двух драм Дюма—«Алхимика» в театре Ренессанс и «M-elle de Belle-Isle» в Comédie Française (2 апреля 1839)—делал эту царскую награду особенно приметной и демонстративной.

Насколько Гюго был неблагонадежен с точки зрения царского сыска на парижской территории, настолько в благонадежности Дюма невозможно было сомневаться. Дюма отнюдь не тяготился покровительством власть имущих, не мудрствуя лукаво об источниках и существовании их власти. Он только любил, чтобы, покровительствуя, его не оставляли знаками этого покровительства.

Дюран, как опытный агент по литературно-политическим делам, действовал наверняка, внушая честолюбивому Дюма мысль «повергнуть к стопам» русского императора своего «Алхимика», а Уварова склоняя содействовать этому предприятю.

Успех Ораса Верне при дворе Николая I был в устах Дюрана лучшим аргументом в пользу его предложения—и Дюма признал его исчерпывающую вескость: он приготовил парадный экземпляр «Алхимика» для подношения Николаю I. Уже по письму Дюма к царю, сопровождавшему этот писательский дар, Уваров мог заключить, что пышная риторика знаменитого писателя, читаемого всей Европой, могла удовлетворить самым строгим требованиям почтительнейшего угодничества, к которому привык царь.

Дюма писал Николаю I:

Перевод:

Государь!

Не только к самодержавному властителю великой империи осмеливаюсь я обратиться данью своего благоговения, но и к наиболее просвещенному монарху-цивилизатору, который своими личными достоинствами сумел среди этой бурной эпохи заставить всю Европу отдать должное его познаниям, его воздержанности, его любви ко всем созданиям образованности.

Государь, в наш век, столь материалистический, поэт и артист спрашивает себя: остался ли еще на свете хотя бы один покровитель искусства, который воздал бы должное их славному и бескорыстному служению?—и они с удивлением и восхищением узнают, что божественному провидению угодно было именно на престол великой империи Севера поместить гения, способного их понять и достойного быть ими понятым.

Государь, я позволяю себе с благоговением, в надежде, что мое имя ему небезызвестно, поднести в виде дара мою собственноручную рукопись его величеству императору всея России.

И когда я писал ее, то был воодушевлен надеждой, что император Николай, покровитель науки и литературы, не посмотрит с безразличием на писателя Запада, записавшегося в число первых, наиболее искренних его почитателей.

Остаюсь с благоговением, государь,
вашего величества покорнейший слуга
Алекс. Дюма¹⁷

Уваров был опытный делец в области западно-европейской литературной политики Александра I и Николая I: недаром он так хорошо умел, прикрываясь титулом «друга Гёте», направить несколько ручейков мировой славы автора «Фауста» на мельницу русского самодержавия,—он сразу оценил, какой эффект произвело бы на европейского читателя письмо Дюма к Николаю I, напечатанное в виде посвящения к его драме, которой, конечно, суждено было быть не только под биноклем парижского зрителя, но и в руках европейского читателя. Николай I изображался в этом посвящении покровителем высокого идеалистического искусства в грубый «материалистический век», выставлялся «блистательным монархом-просветителем». Приобрести для Николая эти имена, взамен столь широко известных имен угнетателя Польши и обер-полицеймейстера Европы, было бы недурным завоеванием литературной дипломатии. Уваров не мог не знать о крупном успехе Дюма у русского читателя и зрителя, и та аттестация, которую знаменитый французский писатель давал Николаю I в своем посвящении, была пригодна и для внутреннего употребления. Она гласила читателям Пушкина и других русских писателей, преследуемых царями: излюбленный вами, прославленный во Франции и во всей Европе писатель чтит нашего императора, как величайшего деятеля культуры.

Свое послание к Николаю I Дюма подкрепил письмом к Уварову. Из него видно, что Дюран и Дюма замыслили поднести «Алхимика» русскому царю еще до представления пьесы на сцене. Почему это не случилось, мы не знаем. Письмо Дюма полно похвал Уварову: Дюма восхваляет в нем меценатство вельможи, «великие труды» ученого и государственную деятельность министра. Эта триада восхвалений показывает, что Дюма усердно слушался указаний Дюрана, отлично знавшего, чем и как угодить честолюбию одного из своих заказчиков. Письмо Дюма было, в глазах Уварова, отличным образцом писательской почтительности, которой ему так приятно было тешить свой слух после убийственно-непочтительного послания Пушкина («На выздоровление Лукулла», 1835), называвшего министра «большим негодяем» и «шарлатаном».

Перевод:

Его превосходительству г-ну Уварову,
министру народного просвещения

Господин министр,

Императорский двор С.-Петербурга, где царствует один из наиболее просвещенных монархов, которыми когда-либо обладала Европа, естественно, приковывает взоры писателей и артистов.

Со своей стороны, желая отдать его императорскому величеству дань моего благоговения, я взял на себя смелость поднести ему манускрипт одной из моих драматических работ перед представлением ее в Париже. На мои вопросы г. Дюрану о способе, которым лучше всего можно было бы довести до его величества мое подношение, он указал мне на ваше превосходительство, как на наиболее естественного посредника, и обязался, имея честь быть с вами знакомым, передать посылку вашему превосходительству. Я опускаю из скромности, которая мне, однако, дорого стоит, те подробности, которые дал мне г. Дюран относительно вашего превосходительства, как о вашем покровительстве искусству, так и о ваших великих трудах и, наконец, об ответственном политическом poste, который занимает министр народного просвещения в великой империи, где литература и наука так прекрасно направлены на путь прогресса.

Я ограничусь тем, что выражу вашему превосходительству, насколько я польщен тем, что мое имя вам небезызвестно, и как я буду счастлив, если именно по вашей рекомендации его величество бросит взгляд на манускрипт, который я имел честь ему преподнести. Благодаря посольству во Франкфурте, пакет адресован вашему превосходительству. Г-н Дюран, вооруженный этой миссией [неразобр.], что пакет последовал своему назначению. Будет большой радостью, г. министр, если я узнаю, что это послание не имело несчастья вам не понравиться и что вы согласны почтить мой литературный труд вашим блестящим покровительством перед его величеством.

Имею честь оставаться с глубоким уважением, г. министр,
вашего превосходительства покорный слуга

Алекс. Дюма

Кавалер орденов Бельгийского льва,
Почетного легиона, Изабеллы католической¹⁸.

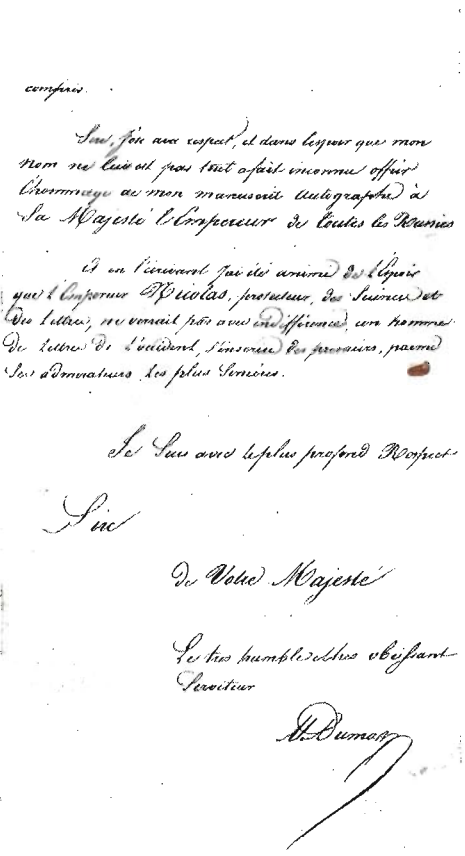
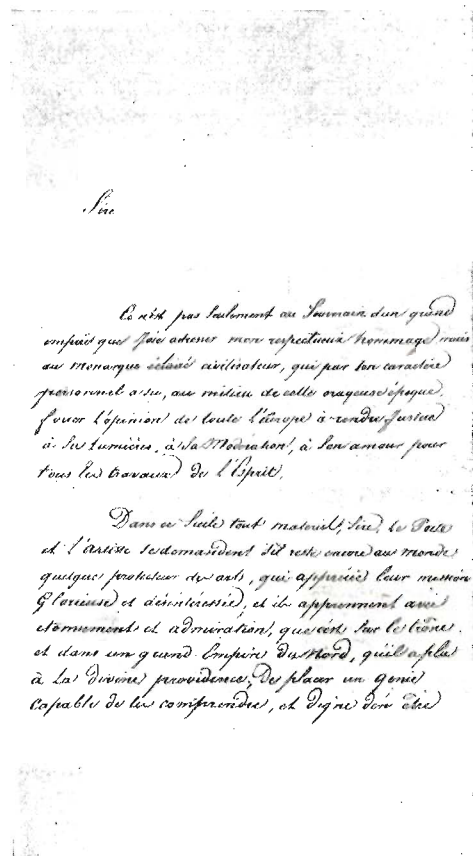
Подпись Дюма под письмом перечисляла его ордена: кроме нового бельгийского ордена Льва и Почетного легиона, он был кавалером испанского ордена «Изабеллы Католической». Все это мимоходом сообщалось автором «Алхимика» Уварову, чтобы он не забыл, что Дюма очень хочется, по примеру Верне, быть кавалером российского «святого Станислава», присвоенного от Польши.

Организатор всего предприятия, Шарль Дюран, со своей стороны, в особом письме предупреждал С. С. Уварова, что он должен быть единственным цензором посылаемой драмы Дюма и что «он один останется судьей в вопросе, повергать ее или нет к стопам его величества».

Самую доставку рукописи Дюма в Петербург Дюран организовал особым образом. Он направил пакет во Франкфурт, к П. Убри, русскому посланнику при Германском союзе, с которым был хорошо знаком в ка-

честве редактора «Франкфуртского Журнала», причем заранее предупредил его особым письмом об этом пакете. Убри, в свой черед, послал пакет не прямо в Петербург, а кружным, но более верным путем: через Гамбург, откуда, сопровождая принца Ольденбургского, отъезжал в Петербург некий граф Толстой¹⁹.

Дюран не хотел, чтобы кто-нибудь из непосвященных узнал о подношении Дюма, которое могло быть отвергнуто не только тем, кому предназначалось, но и отстранено предварительным ценителем романтического дара французского писателя русскому царю—С. С. Уваровым.

АВТОГРАФ ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА ДЮМА (отца) К НИКОЛАЮ I, 1839 г.

Ленинградское отделение Центрального исторического архива

В начале июня 1839 г. «Алхимик» достиг, наконец, Петербурга.

Уваров ознакомился с рукописью Дюма, с его письмом к царю и донесением Дюрана и во всем согласился с последним: драма Дюма показалась ему пригодной для того, чтобы быть «повергнутой к стопам» Николая I, а представленные Дюраном мотивы, по которым следовало это сделать, показались вполне уважительными.

8 июня н. ст. (27 мая ст. ст.) Уваров «поверг» рукопись «Алхимика» пред Николаем I вместе со следующим «всеподданнейшим докладом»:

При письме бывшего редактора Франкфуртского журнала Карла Дюрана, в подлиннике при сем прилагаемом, получил я из Парижа от

известного писателя Александра Дюма собственноручный список драмы: «*l'Alchimiste*. Эту рукопись, украшенную виньетами Изабея и других художников, Александр Дюма подносит вашему императорскому величеству; в письме его на высочайшее имя излагает он побуждения свои к сему приношению.

Если бы вашему величеству угодно было, милостиво приняв этот знак благоговения иноземного писателя к августейшему лицу вашего величества, поощрить в этом случае направление, принимаемое к лучшему знанию России и ее государя, то я со своей стороны полагал бы вознаградить Александра Дюма пожалованием ордена св. Станислава 3-й степени. Почетное место, занимаемое им в ряду новейших писателей Франции, может дать Дюма некоторое право на столь отличный знак внимания вашего величества, тем более, что в отношении к заграничным литераторам пожалование им российских орденов не подчиняется узаконенным формам обыкновенной службы.

Сергей Уваров²⁰

В своем «докладе» царю Уваров повторил предложение Дюрана наградить Дюма орденом Станислава, но осторожно понизил степень ордена: вместо 2-ой степени, предлагаемой Дюраном, поставил 3-ю, которую в свое время получил Верне. Вместо своей мотивировки, почему должно наградить Дюма именно Станиславом, Уваров приложил к донесению подлинник письма к нему Шарля Дюрана, отлично зная, что парижский агент лично известен Николаю I.

Любопытно, что министр обратил внимание царя на художественную ценность рукописи Дюма: именно таков смысл упоминания имени одного из ее украсителей. «Изабей»—это превосходный акварелист Евгений Изабе (*Louis-Eugene-Gabriel Isabeu*, 1863—1886), сын и ученик Ж.-Б. Изабе. (Примечательно, что впоследствии этот иллюстратор «Алхимика» Дюма написал две картины—«Алхимику», одну в 1845, другую в 1865 г.)²¹.

Препровождая Николаю I рукопись драмы Дюма и его письма, Уваров осторожно уклонился от собственного суждения о них: он предоставил Дюма самому говорить за себя.

Осторожность была не лишней.

Резолюция Николая I оказалась далеко не в тон планам Дюрана с Уваровым и чаяниям самого Дюма.

На докладе Уварова «его императорского величества собственной рукою» написано карандашом:

«Довольно будет перстня с вензелем».

Пожалование «императорским и царским орденом» есть государственная награда: полученная от главы государства, она ставит награжденного в известные почетные отношения к данному государству и его верховной власти, публично свидетельствуя о заслугах награждаемого пред государством. Наоборот, награждение «перстнем», хотя бы и с вензелем императора, есть простой подарок, который, по воле дарящего, может быть вручен любому лицу, без всякого отношения к государству и к заслугам пред ним.

Заменяя орден перстнем, Николай, вопреки планам Дюрана и Уварова, отказывался придать награждению Дюма характер государственного акта, имеющего политическое значение, а только отдаривал его подарком за подарок, ценным перстнем за художественный манускрипт.

Самая форма резолюции: «Д о в о л ь н о б у д е т...» свидетельствует о явном недовольстве Николая I предложением дать Дюма орден: такое награждение французского драматурга представлялось царю чрезмерным и незаслуженным.

Почему же Николай I, не пожалевший Станислава для Ораса Верне, решительно воспротивился дать его Дюма?

Уваров оказался недостаточно осведомленным в театральных вкусах Николая I. Вот что читаем в записках А. М. Каратыгиной, жены любимейшего актера Николая I, прозванного А. И. Герценом («лейб-гвардейским трагиком»): «Государь вообще не любил переводных драм и бывал доволен, когда мы [трагик В. А. Каратыгин и его жена] брали в бенефисы свои оригинальные произведения.

— Я бы чаще ездил тебя смотреть,—говорил он моему мужу,—если бы не играли вы таких чудовищных мелодрам. Например, сколько раз зарезал ты в нынешнем году или удушил жену твою на сцене?!..»²².

Николай I любил мелодрамы, но мелодрамы отечественного производства—Н. В. Кукольника, Н. А. Полевого, П. Г. Ободовского, где весь сюжет, все действие основаны на догматах официальной идеологии: «православие, самодержавие, народность». Частый посетитель театра, Николай постоянно бывал на патриотических мелодрамах Полевого («Параша-Сибирячка», «Купец Иголкин») и Кукольника («Рука всевышнего отечество спасла», «Скопин-Шуйский»), ценил их удачливую пропаганду официальной идеологии и награждал их авторов и актеров ценными подарками. Драма Дюма—как и целый ряд подобных мелодрам—была совершенно лишена этих достоинств; наоборот, она была сомнительна, благодаря своему живому изображению безудержных страстей и необузданных чувств. Вспомним приведенные выше отзывы цензора и Булгарина о драмах Дюма, шедших на петербургской сцене; отзывы эти почти буквально совпадают с только что приведенным суждением Николая I: бурная «неистовость» романтических героев граничила, по мнению царя и его слуг в цензуре и в критике, с неблагонадежностью их авторов.

Самая рекомендация Дюрана в глазах Николая I была не на пользу Александру Дюма: царь знал, что осторожный Меттерних предупреждал Бенкендорфа, что Дюран переходит на сторону бонапартистов, а к этим последним и к их претенденту, Людовику-Наполеону, царь питал столь же мало симпатии, как и к Людовику-Филиппу. И рекомендатель, и рекомендуемый, и Дюран, и Дюма, оба были, по мнению царя, представителями Франции, «изменившей» «законному» королю и кипящей революционным брожением,—той Франции, которую Николай I считал враждебной своему самодержавию.

Вот почему Николай I согласился наградить Дюма за м а н у с к р и п т «Алхимика», за вещь, подносимую в подарок царю, но решительно отказался наградить Дюма за драму—за литературное произведение.

Через полгода «Алхимику» проник на русскую сцену, но не в переводе, а в перелелке. Он шел в Александринском театре 10 января 1840 г. в бенефис Каратыгина. Но успеха «Алхимик» ни у зрителя, ни у критики не имел²³ и быстро и навсегда исчез с афиш русского театра.

Вернемся к резолюции Николая I. В самый день, когда она последовала, т. е. 8 июня, Уваров известил о ней министра императорского двора—кн. П. М. Волконского, а 13 июня (н. ст.) министр двора уже обратился к Уварову со следующим отношением:

№ 3549
КАБИНЕТ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО
ВЕЛИЧЕСТВА

Отделение 2, стол 1
В С.-т. Петербурге

1-го июня 1839 г.
№ 2447

С препровождением перстня
с вензелем его величества

*Господину министру
народного просвещения*

Во исполнение высочайшего повеления, объявленного мне вашим высокопревосходительством, в отношении от 29-го минувшего мая— за № 691-м, имею честь препроводить при сем к вам, милостивый государь, перстень бриллиантовый с вензловым его величества именем, всемилостивейше пожалованный известному французскому писателю Александру Дюма за доставленный от него собственноручный список с драмы его «l'Alchimiste», украшенный рисунками Изабея и других художников французских,—прося покорнейше о получении оногo перстня меня уведомить.

Министр императорского двора князь Волконский,
вице-президент, гофмейстер²⁴

Перстень был отправлен к Дюма тем же способом, как его рукопись к Николаю I,—с курьером министерства иностранных дел. Уваров послал вместе с перстнем свои письма к Дюма и к Дюрану. Перстень почему-то долго не мог добраться до Парижа. Как видно из подлинного дела, извещенный о награде, но долго не получая ее, Дюма спрашивал в письме к Уварову о причинах неполучения перстня, и Уваров вынужден был запрашивать об этом министра иностранных дел графа Нессельроде²⁵.

Наконец, не позже 13/25 ноября 1839 г. царский перстень был вручен Дюма русским послом в Париже, графом Паленом, и 25 ноября Дюма обратился к Уварову со следующим письмом:

Перевод:

Его превосходительству г-ну Уварову,
министру народного просвещения в Петербурге

Господин министр,

Г-н Анатолий Демидов соблаговолил наставить меня от имени вашего превосходительства в тех шагах, которые я должен был предпринять для того, чтобы получить тот милостивый знак отличия, которым его величество меня почтил. Посол империи вручил мне этот залог, навсегда драгоценный для меня, как августейшая память.

Ваше превосходительство, который мне был всегда благосклонным посредником, согласится, вероятно, повергнуть к стопам его императорского величества выражение моей глубокой и благоговейной признательности.

Имею честь оставаться с чувством величайшего уважения г. министр, вашего превосходительства покорнейший слуга

25 [ноября] 1839 г. ²⁶.

Алекс. Дюма

Письмо Дюма своей краткостью, сдержанностью и сухостью тона резко отличается от его писем к царю и Уварову, предшествовавших поднесению манускрипта. В нем сквозит недовольство Дюма тем подарком, который он получил от Николая I: Дюма попрежнему мог подписываться кавалером только тех трех орденов, какие у него уже были до отсылки «Алхимика» в Петербург. Бриллиантовый перстень не заменил ему Станислава.

С получением ответа Дюма казенное «дело об его награждении» окончилось.

Но не окончилось неудовольствие Дюма на Николая I, не пожелавшего включить его в число «кавалеров» своей империи.

Со советским переводом стихов

Драммы Александра Дюма:

Александр Дюма, отец
 редактора Франкофюрского
 журнала Жюль Дюранс,
 Вице-президентом в поэтическом при сем
 руках поэта кандидата прилагательных, получил и
 довольно блестяще подал от Парижа от известном
 в Венне.
 28 июня 1839.
 Гюго

При помощи большого
 редактора Франкофюрского
 журнала Жюль Дюранс,
 Вице-президентом в поэтическом при сем
 руках поэта кандидата прилагательных, получил и
 довольно блестяще подал от Парижа от известном
 писателем Александр Дюма
 советским переводом стихов Дра-
 ммы: «Алхимик». Это ру-
 котное, устаревшее стихо-
 тание Ивара и Дюрана
 Бурдигуа, Александр
 Дюма, попросит Вамшему
 Императорскому Вели-
 честву; в письме ко им
 Высочайшее имя по-
 гает от одобренной сего
 к сему прилагательных.

ДОКЛАД МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ С. С. УВАРОВА
 НИКОЛАЮ I, С ХОДАТАЙСТВОМ О НАГРАЖДЕНИИ
 АЛЕКСАНДРА ДЮМА (отца) ОРДЕНОМ

Сверху резолюция Николая I: «Довольно будет перстня с вензелем»

Ленинградское отделение Центрального исторического архива

После того наипочтительнейшего письма, которое Дюма написал Николаю I, и после ценной награды, полученной от царя, естественно было ожидать, — и Уваров, конечно, ожидал этого, — что драма «Алхимик» будет посвящена в печатном издании Николаю I. Но на первой странице «Алхимика» мы читаем:

À M a d a m e I. F.

Et vous, vous m'avez dit de votre voix chérie:

«Faites vite pour moi ce drame». — Le voilà!

Перевод:

Госпоже И. Ф.

И вы, вы мне сказали вашим прелестным голосом:
«Напишите скорей для меня эту драму».— Вот она!²⁷

«Алхимик» оказался посвященным не русскому императору, а возлюбленной Дюма, актрисе Иде Феррье (Ida Ferrier), исполнявшей в драме главную роль Франчески.

Но если в печатном издании «Алхимика» Николай I не нашел ожидаемого «посвящения», то в новом романе Дюма, появившемся вслед затем в фельетонах «Revue de Paris», он нашел произведение, которое могло доставить ему немало неприятных минут и часов.

Это были «Записки учителя фехтования, или восемнадцать месяцев в С.-Петербурге» (*Mémoires d'un maître d'armes, ou dix-huit mois à Saint-Pétersbourg*). Под этим заглавием скрывалась история декабриста Ивана Александровича Анненкова и его жены Прасковьи Егоровны Анненковой, урожденной Полины Гебль. В то время, когда роман Дюма печатался в «Revue de Paris» и затем в 1840 г. вышел в двух отдельных изданиях в Брюсселе, декабрист Анненков, осужденный в 1826 г. по 2-му разряду, в каторжную работу на 20 лет, получив в 1839 г., по сокращении сроков, разрешение служить в Сибири по гражданской части, отправлял должность канцелярского служителя 4-го разряда в Туринском земском суде²⁸.

Источник, откуда Дюма почерпнул сведения о трогательной любви француженки-модистки Полины Гебль к конногвардейскому офицеру И. А. Анненкову, с которым она разделила жизнь в Сибири на каторге, назвала сама Полина Гебль в своих записках. «В это время [1826 г.] я познакомилась с Гризье, бывшим учителем фехтования в Москве, у которого и Иван Александрович [Анненков] брал уроки. Рассказы Гризье впоследствии дали повод Александру Дюма написать по поводу меня роман под заглавием „*Mémoires d'un maître d'armes*“. Сама же Полина Гебль, рассказывая в своих записках свою жизнь, указала и на ту степень исторической достоверности, какую обладает роман Дюма: «Если я вхожу в подробности моего детства и первой молодости, это для того, чтобы... прекратить толки людей, не знавших правды, которую по отношению ко мне и моей жизни часто искажали, как, например, это сделал Александр Дюма в своей книге «*Mémoires d'un maître d'armes*», в которой он говорит обо мне и в которой больше вымысла, чем истины»²⁹.

В самом деле, в повествовании Дюма, поскольку оно стремилось передать подлинную историю декабриста Анненкова, «больше вымысла, чем правды». В романе Дюма рассыпано множество исторических несообразностей, фактических ошибок, романических измышлений, психологических несуразностей и политических нелепостей. Начиная с того, что Анненков превратился под пером Дюма в «графа Ванинкова» («*comte Waninkoff*»), в романе заключено много извращений подлинной суровой истории декабриста, брошенного всей своей богатой родней и возвращенного к жизни и счастью своей любовницей-модисткой, сумевшей пробиться к нему в Сибирь, стать его законной женой и сделаться источником бодрости в тяжких испытаниях. Во многих случаях Дюма смягчает суровость этой истории: так, холодная и важная барыня А. П. Анненкова, не хотевшая знать своего сына-«преступника», превращается у Дюма в сердобольную мать, не знающую, чем облегчить участь родного страдальца и его

самоотверженной подруги; Полину Гельб сопровождает у Дюма в Сибирь царский фельдъегерь, оказывающий ей всевозможные услуги; *comte Waninkoff* оказывается, по Дюма, ссыльным «в Козлове, маленьком селе на Иртыше», вместо того, чтобы быть каторжным в Чите, и т. д. В других случаях, — что гораздо хуже, — Дюма опошляет самый образ декабриста. Достаточно привести один пример. Почти перед самым 14 декабря у Анненкова происходит беседа о заговоре с «учителем фехтования», от лица которого ведется весь рассказ; в разговоре Анненков является «кающимся»: он не верит в успех заговорщиков, и на вопрос собеседника, зачем же он бросается добровольно в пропасть, отвечает: «Теперь слишком поздно итти на попятный путь. Скажут, что я — трус. Я дал слово товарищам и должен итти с ними... на эшафот». Учитель фехтования недоумевает. «Но почему вы, вы — человек знатного рода?». В ответ Дюма вкладывает своему «*comte Waninkoff*» реплику: «Что вы хотите?.. Люди сошли с ума. Во Франции парикмахеры сражались, чтобы стать большими господами, а мы будем сражаться, чтобы стать парикмахерами»³⁰.

Эта реплика есть повторение известной пошлой остроты, сказанной придворным «остроумцем» кн. А. С. Меншиковым после подавления восстания декабристов. Нужно ли говорить, что ее мог произнести мифический «*comte Waninkoff*», на грудь которого Дюма повесил Станислава, не полученного им самим, а никак не настоящий декабрист Анненков?!

И все же, несмотря на эти и на многие другие извращения исторических пропорций и фактов, роман Дюма был повествованием о д е к а б р и с т е, основанным не на вымысле, а на исторической правде, и повествованию этому, вышедшему из под пера популярнейшего писателя современности, был обеспечен успех и внимание широкого европейского читателя. Для Николая I это не могло не быть весьма неприятным сюрпризом. Роман Дюма привлекал внимание — и с о ч у в с т в е н н о е внимание — широкой европейской аудитории к людям, самое имя которых было для Николая I ненавистно. Присуждая декабристов к каторжному молчанию сибирских пустынь, Николай хотел казнить их жестокой казнью полного забвения.

Дюма своим романом отменял этот приговор для одного из декабристов и тем самым привлекал внимание к судьбе всех остальных. Эти остальные героическими тенями проходят в романе. Стоит прочесть у Дюма (т. II, гл. XVII) сцену казни декабристов, чтобы понять, что он, воскрешая этот страшный час, освещал его нестерпимым для Николая I светом героики. Вот конец этой сцены:

«Еще не замолкли куранты, как из под ног осужденных была выбита доска, на которой они стояли. Раздался сильный шум, и солдаты устремились к эшафоту. Какое-то сотрясение, пройдя по воздуху, казалось, повергло нас в озноб. Послышались какие-то крики, и мне показалось, что случилось нечто ужасное. Оказалось, что веревки, на которых висели двое повешенных, оборвались, и они упали вниз, причем один из них сломал себе бедро, а другой руку. Это и было причиной донесшегося шума. ...Упавших подняли и положили, так как они уже не могли держаться на ногах. Тогда один из них сказал другому: — Посмотри, до чего добр этот народ-раб: он не умеет повесить человека!.. Послали за новыми веревками. И в то мгновение, когда палач накинул петли на их шеи, они громко воскликнули в последний раз:

— Да здравствует Россия! Да здравствует свобода! Наши отмстители придут!»³¹.

Описание это не вполне точно. Известные предсмертные слова, приписываемые то Рылееву, то Муравьеву: «Несчастливая Россия! Даже повесить не умеют» (по другому сообщению: «Боже мой! И повесить порядочно не умеют»), Дюма передал неверно.

Но, расходясь с историческими фактами в деталях, Дюма так построил свое повествование, что превратил рассказ о казни декабристов в апофеоз их политического мученичества и нравственного торжества над их верховным палачом³².

Гражданская доблесть и политическое мужество декабристов особенно рельефно выступают у Дюма на фоне народного рабства, крепостного угнетения и рабовладельческой жестокости, многие черты которой разбросаны там и тут по роману. «В Петербурге или рабы, или вельможи — середины между ними нет» — говорит Дюма. Описывая роскошный обед у Нарышкина, учитель фехтования рассказывает: «После обеда были поставлены столы для карточной игры. Когда, около двенадцати часов ночи, я удалился спать, было проиграно около трехсот тысяч рублей и двадцати пяти тысяч крестьян». На нескольких ярких страницах Дюма рассказывает историю крепостной девки, взятой в любовницы министром, любимцем царя, неким «Narawitcheff», превратившейся в тиранку своих бывших собратьев и впоследствии убитой одним из них. Рассказывая эту историю, копирующую историю Аракчеева и Настасьи Минкиной, Дюма рисует потрясающую сцену жестокого наказания кнутом крепостного человека, — и не где-нибудь в глуши, а в самом Петербурге. Описывая наводнение в Петербурге в 1824 г., Дюма с негодованием отмечает, что «о несчастных узниках Петропавловской крепости забыли, и они все погибли»³³.

Можно бы долго продолжать инвентарь этим зарисовкам Дюма — «учителя фехтования», из которых слагается жуткая картина царского Петербурга — картина, служившая для европейского читателя оправдательным документом в пользу заговорщиков 14 декабря.

Этот документ принадлежал к числу тех, которые Николай I разорвал бы с большим удовольствием.

Дюма ничем не задел в своем романе личность самого Николая I. Наоборот, своим собственным портретом, в тесной рамке нескольких страниц романа, Николай I мог быть даже доволен: рамку эту Дюма усердно позолотил³⁴.

Но удовлетворительность этих немногих страниц — увы! — не искупала, с точки зрения Николая I, глубокой неудовлетворительности не только тех страниц романа, о которых выше шла речь, но особенно тех, которые Дюма отвел бабке, отцу и братьям императора. Здесь Дюма поднял весь тот прах и гниль «Романовской» династии, которые Николай желал бы видеть навсегда замурованными под надгробным мрамором Петропавловского собора. Безумная потеха Анны Иоанновны, уморившей людей в ледяном доме; эпизоды из интимной и придворной жизни Екатерины II, этой, по определению Дюма, «царицы-высочки» (*Catherine II fut l'exemple des reines improvisées*); убийство Петра III; фаворитство Потемкина и Зорича; история женитьбы Александра I и Елизаветы Алексеевны, как история «брака рокового для одного и столь же рокового для другой»; печальная судьба этой императрицы; скандальная история цесаревича

Константина Павловича, дикого насильника, мучителя солдат, безумного фанатика шагистики, «приказавшего дать тысячу ударов плетью лошади, которая сделала ошибку в аллюре»³⁵, и т. д. и т. п., — все эти неприятнейшие для Николая I главы и отрывки заполнили значительную часть книги. Самая неприятная для русского царя—12-я глава была посвящена целиком, как отдельный исторический этюд, изображению характера императора Павла I. Она давала, основанную на исторических источниках, лето-

30 ноября 1839

M. Son Excellence Monsieur D'Orloff,
Ministre de l'Instruction publique à Tcheboukoff

Monsieur le Ministre,

M. Anatole de Demidoff, a été votre Membre
de l'Académie de l'Université des sciences que j'ai eue pour
celui en possession de la Médaille d'Or de l'Empire d'Autriche
à Saint-Mélan, et l'Académie impériale a été votre
Membre d'honneur qui me fait toujours être le premier de vos Augustes membres.

Vous saluez qui me est dans une Commission
me saluez si possible votre très h. Charge de dire
sur tout de l'Académie Impériale, le plus grand de ma
profonde reconnaissance et de ma sincère

je saluez D. Dieu son le salut de la plus haute considération.

Monsieur le Ministre

Alexandre Dumay

Lettes hands et tout respectueux

Alexandre Dumay

25th Nov 1839

АВТОГРАФ ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА ДЮМА (отца) К С. С. УВАРОВУ
ОТ 25 НОЯБРЯ 1839 г.

Ленинградское отделение Центрального исторического архива

пись его безумств и преступлений и завершалась подробным, и также основанным на исторических источниках, описанием заговора и убийства Павла I. Если каждая страница Дюма об Екатерине II и Константине Павловиче была, с точки зрения Николая I, оскорблением величества, заслуживающим тяжкой кары, то рассказ об убийстве Павла I, весьма близкий к исторической истине, был, с царской точки зрения, самым тяжким преступлением, которое могло бы быть совершено писателем. Достаточно указать, что русский писатель получил некоторую возможность говорить печатно о насильственной смерти Павла I только после революции 1905 г., то-есть через сто слишком лет после события и через

шестьдесят пять лет после появления романа Дюма. В течение этих ста слишком лет (1801—1905) Павел I числился в России умершим—как это было объявлено в манифесте Александра I при его воцарении—«от апоплексического удара». 12-я глава Дюма объявляла «благословенного» Александра лжецом и показывала его соучастником заговора, повлекшего убийство его отца. Николай I, пославший в каторгу несколько десятков человек за одну мысль о цареубийстве, казнивший пятерых за одну намерение совершить его,—как он должен был встретить блестящие страницы европейского писателя, на которых перечислялись имена и показывались фигуры прямых убийц императора Павла I, занимавших видные правительственные места при Александре I? Беспощадный каратель декабристов,—как он должен был воспринять написанный для европейских читателей рассказ об участии своего брата в заговоре цареубийц?

Рассказ об убийстве Павла Дюма заключает фразой: «Александра, бледного и совершенно подавленного, пригласили выйти из кареты, и со всех сторон стали приветствовать с восторгом, который свидетельствовал о том, что заговорщики, совершив преступление, исполнили желание народа»³⁶.

Читая эту фразу, сколько читателей могло подумать, что и декабристы, если бы им удалось то, что удалось заговорщикам 1801 г., могли бы быть уверены, что исполнили желание народа!

Первая же книга Дюма, после «Алхимика», почтительно преподнесенного им Николаю I, была крепким литературным ударом по русскому императору.

На удар из Парижа ответили контрударом из Петербурга:

«Les mémoires d'un maître d'armes» были накрепко запрещены в России с первого появления своего в фельетонах «Revue de Paris» и, далее, в отдельных изданиях³⁷.

В своей книге «En Russie» Дюма передает:

«Княгиня Трубецкая, друг императрицы, супруги Николая I, рассказывала мне:

Однажды царица уединилась в один из своих отдаленных будуаров для чтения моего романа. Во время чтения отворилась дверь, и вошел император Николай I. Княгиня Трубецкая, исполнявшая роль чтицы, быстро спрятала книгу под подушку.

Император приблизился и, остановившись против своей августейшей половины, дрожавшей больше по привычке, спросил:

— Вы читали?

— Да, государь.

— Хотите, я вам скажу, что вы читали?

Императрица молчала.

— Вы читали роман Дюма «Записки учителя фехтования».

— Каким образом вы знаете это, государь?

— Ну, вот! Об этом не трудно догадаться. Это последний роман, который я запретил.

И несмотря на это запрещение, как мне говорят, роман «Записки учителя фехтования» был очень распространен в России»³⁸.

Нет основания не верить Дюма.

Но «Записки учителя фехтования» так солоно пришлось Николаю I и его преемникам, что оставались в списке запрещенных книг в течение всего XIX в. Все попытки перевести и издать роман Дюма были тщетны. Даже революция 1905 г. не могла снять запрета с романа, столь

неприятного для династии Романовых. Только после Октябрьской революции роман Дюма мог появиться на русском языке. Он был издан в 1925 г., в столетнюю годовщину 14 декабря³⁹.

Страх перед пером Дюма остался у Николая I надолго.

В феврале 1852 г. русский тайный агент в Париже, Я. Н. Толстой, получил запрос: «Несколько времени тому назад в Париже появился пасквиль г. Дюма, написанный в форме романа и озаглавленный «Набаб и его дочь» или «Северный набаб», или что-то в этом роде. Говорят, что, когда этот роман появился, бывший префект полиции г. Карлье приказал скупить все экземпляры с целью извлечь этот роман из продажи. Его превосходительство граф О[рлов, шеф жандармов.—С. Д.] желал бы получить точные сведения относительно опубликования этой работы и особенно о том, действительно ли так поступил г. Карлье».

Какой-то, якобы, появившийся в Париже памфлет Николай I принял на свой счет, решив, что под «Северным набабом» нельзя изобразить никого другого, кроме русского царя, и приписал авторство памфлета ненавистному для него автору «Записок учителя фехтования»—Александру Дюма.

Русское посольство в Париже и Яков Толстой принялись за поиски «Набаба» и за разоблачение авторства Дюма. Подняли на ноги книгопродавцев и парижскую полицию. Министр полиции Мопя отвечал, что такой книжки не существует, а потому префекту полиции не пришлось скупать этот роман у книгопродавцев. Книгопродавцы Боррани и Драз заявили: «Мы убедились, что и Александр Дюма не написал ничего под таким названием. Это, может быть, только эпизод из одного из его романов, если только он писал на эту тему. Нам также не удалось найти книги с таким заглавием какого-либо другого автора». Яков Толстой запросил Александра Дюма-сына, не знает ли он что-нибудь об этом памфлете. Тот отозвался, что никогда о нем не слышал и что, во всяком случае, ни его отец, ни он сам не являются авторами подобного памфлета.

Николай I продолжал требовать поисков «Набаба» и разоблачения Александра Дюма-отца, как его автора,—и русский тайный агент не без отчаяния доносил министру иностранных дел, гр. К. В. Нессельроде, что ему никак не удастся «найти и схватить этого злополучного «Набаба», о котором сообщают из Петербурга, но который здесь неизвестен. Александры Дюма—отец и сын—заявили моему книгопродавцу, что они ничего не знают. Александр Дюма-сын прибавил к тому же, что он „ничего не писал ни за, ни против России“». Этот ответ также не удовлетворил слуг Николая I. Они порешили, что «Набаб» мог явиться в Бельгии, где в то время жил сам Александр Дюма-отец. По просьбе русского посольства, брюссельские власти обратились к автору «Трех мушкетеров», и «государственный советник Баквухт» мог вскоре сообщить русскому посольству: «Ал. Дюма-отец утверждает самым категорическим образом, что ни он, ни его сын ничего похожего не печатали. Несмотря на это, полиция ему указала, что подобная книга повлечет за собой немедленное удаление автора с бельгийской территории».

Но удалять Дюма-отца из Бельгии не пришлось: сочиненный им на Николая памфлет «Северный набаб» существовал только в испуганном воображении Николая I. Царь не мог забыть романа о декабристе и—у страха глаза велики—боялся, что перо, больно оцарапавшее его «Учителем фехтования», еще больше кольнет его «Северным набабом»⁴⁰.

II. ДЮМА В РОССИИ В 1858 г.

1

А. М. Каратыгина, рассказывая в своих «Воспоминаниях» о своем знакомстве с Дюма в Париже в 1845 г., пишет:

«Со свойственной ему любознательностью расспрашивая нас [А. М. Каратыгина путешествовала со своим мужем, трагиком В. А. Каратыгиным.—С. Д.] о России, Дюма высказывал давнишнее желание свое посетить нашу родину, взглянуть на обе столицы, на окрестности Москвы, на поле Полтавы [Бородина.—С. Д.], но в особенности желал взглянуть на нашего императора. Он припомнил при этом о недавней поездке в Россию Бальзака [в 1843 г.]: «et je voudrais bien faire de même, si toutefois votre b a t o u c h k a m'y autorise» [«и я очень желал бы сделать то же, если только дозволит ваш б а т ю ш к а»]. Под словом «б а т ю ш к а» он подразумевал государя Николая Павловича.

Мы отвечали, что за исключением завязтых республиканцев и вообще лиц, находящихся на дурном счету у нашего правительства въезд иностранцев в Россию не воспрещен; если же наш двор не с прежним радушием принимает приезжающих в Петербург именитых или чем-либо особенно замечательных французских подданных, причиной тому гнусная неблагодарность маркиза Кюстина. К поступку Кюстина Дюма отнесся с негодованием»⁴¹.

«Поступок» маркиза Кюстина заключался в том, что, побывав в России и повидав «батюшку» из Зимнего дворца, он написал известную книгу «La Russie en 1839», доставившую Николаю I изрядное число неприятных часов. Но у Дюма у самого был «поступок» пред Николаем I—его роман о декабристе, и он благоразумно не сделал попытки попутешествовать по России при Николае I, не ожидая найти там особенно радушный прием.

При Александре II, возвратившем декабристов из Сибири, поездка в Россию стала возможной для Дюма. Как для писателя, она была для него нужной; как для «единственного собственника и единственного редактора» еженедельного журнала «Монте-Кристо», она сделалась для него необходимой.

К 1857 г., когда Дюма принялся за издание своего еженедельника, наполнявшегося его собственными произведениями, круг его основных драм и романов, имевших беспримерный успех, был завершен; после 1857 г. он уже не написал ни нового «Кина», ни второго «Графа Монте-Кристо».

Новый журнал—«Journal hebdomadaire de romans, d'histoire, de voyages et de poésie»—Дюма окрестил именем «Монте-Кристо», как символом своей величайшей писательской удачи. Но характерно, что, печатая в нем в 1858 г. два новых произведения: «Ainsi soit-il» и «Les Mohicans de Paris», Дюма счел нужным подкрепить свой фонд романов перепечаткой старого «Графа Монте-Кристо», полагая, что если многие, быть может, не найдут удовольствия в н о в ы х его творениях, то все, наверное, с удовольствием перечтут старого любимца. Дюма явно искал нового литературного жанра для подкрепления старой своей популярности. Таким обновленным жанром явился «voyage», путешествие. Дюма и раньше, до 1857 г., не мало «путешествовал» в литературе. С конца 30-х годов стали появляться его «Путевые впечатления» («Impressions de voyage») от поездок по Южной Европе и Алжиру. Но юг Франции, Италия, Испания, даже

ЖЕНА ИЗ РОМАНА АЛЕКСАНДРА ДЮМА (отца) «ТРИ МУШКЕТЕРА»

Этюд маслом Альфреда Деоданка

Эрмитаж, Ленинград

Алжир, все это—домашние места для европейца, где нет места ни для Колумба, ни для Америго Веспуччи от литературы. Другое дело Россия. Путешествие по России могло само по себе стать романом приключений,— тем более, что в «Россию» Дюма включал Кавказ, где шла в эти годы напряженная война с горскими племенами, объединенными Шамилем. Но Дюма хотел путешествовать не по одним русским трактам, проселкам, рекам, степям и горам: он намеревался сплести это географическое путешествие с путешествием по русской истории, литературе, по русской политической действительности, с разнообразными экскурсиями в сторону русской археологии, кулинарии, истории религии, стратегии и т. д. и т. п.

Именно такое путешествие по России обещал Дюма читателям своего «Монте-Кристо». В своей «Causeurie» от 17 июня 1858 г. он обещал им описать Петербург с его белыми ночами, Москву с колоколом в 330 000 фунтов, с «рынками, которые—уже Востоку», сулил изобразить Нижний-Новгород с купцами из Персии, Индии и Китая, торгующими малахитом и лапис-лазурью. Он давал обещание показать своим читателям Волгу, эту «царицу европейских рек», и встретиться на трех рынках Астрахани с индусами и казаками, донскими и уральскими. Промчавшись по безграничным калмыцким и ногайским степям, он сулил читателю подвести их «к скале, к которой был прикован Прометей», и вместе с ними «посетить стан Шамиля, этого другого Титана, который в своих горах борется против русских царей». Пообещав встречу с Шамилем, Дюма задавался вопросом: «Знает ли Шамиль наше имя и позволит ли он нам провести одну ночь под его палаткой?». И тут же давал утвердительный ответ: «Почему нет? Разбойникам Сиерры оно [имя Дюма] было хорошо известно, и они охотно разрешили нам провести у себя три ночи».

Дюма наобещал читателям и многое другое. Он расскажет «чудесные преданья о Меншикове, который торговал пирожками, и об Екатерине, которая была служанкой в Литве»; он посетит поле Бородина и соберет рассказы о Наполеоне и пылающей Москве; он «посетит Таганрог, где Александр I умер от огорчения, а может быть, от раскаяния», и т. д.

Эти обещания—уже не из географического, а из исторического вояжа, который предпринимал автор «Мемуаров учителя фехтования», сделавший в этой книге немало экскурсий в русскую историю конца XVIII и начала XIX веков.

Дюма подчеркивал перед своим европейским читателем особый интерес политического момента, в который он направлялся в Россию; он ехал, чтобы «присутствовать при великом деле освобождения сорока пяти миллионов рабов»⁴².

Провожая Дюма в Россию, Жюль Жанен напутствовал его такими словами:

«Мы поручаем его гостеприимству России и искренно желаем, чтобы он удостоился лучшего приема, чем Бальзак. Бальзак явился в Россию не во-время—тотчас после г. Кюстина, и потому, как это часто случается, невинный пострадал за виновного. Что же касается до невинности... невиннее г. Александра Дюма ничего быть не может. Поверьте, милостивые государи, что он станет рассказывать обо всем, что увидит и услышит, так мило, так безобидно, с таким тактом, с такими похвалами и с таким веселым расположением духа. Он будет так доволен самим собою и в то же время всеми вами, господа. Он навезет вам с собою столько прехитрых

мыслей, столько дозволенных переворотов, столько веселости и живости, что с вашей стороны было бы преступлением, если бы вы не протянули ему дружеской руки»⁴³.

Напутствие Жанена оказалось впрок Александру Дюма при путешествии в России.

Широко возмещенный литературный вояж Дюма был de facto его частной поездкой в качестве гостя одного из богатейших людей в России—графа Григория Александровича Кушелева-Безбородко (1832—1870). Этот наследник несметных богатств князя А. А. Безбородко, статс-секретаря Екатерины II и канцлера Павла I, принадлежал к числу тех русских людей, которые решительно не знали, что с собой делать, и потому делали то, что попадалось под руку: он попечительствовал над Нежинским лицеем, куда дарил рукописи Гоголя, когда-то там учившегося, издавал «Шахматный листок», основал приют «для приема кормилиц и для вскармливания детей», сочинял «Очерки и рассказы» на русском языке, но под украинским псевдонимом Г р и ц к а Г р и г о р е н к а, был камер-юнкер и водил дружбу с поэтами из литературной богемы, давал средства на издание «памятников старинной русской литературы» и на содержание женской богадельни и т. д. и т. п. От всего этого делового безделья граф поехал в 1857 г. отдыхать за границу и в Риме встретился со спиритом Даниилом Юмом. Верчением столиков и вызыванием «духов» скучающий граф увлекся до того, что пожелал породниться с медиумом. Свояченица графа, Александра Кроль, была помолвлена с Юмом, но свадьба отложена до Петербурга. В Париже Дюма сделался частым посетителем первого этажа гостиницы «Трех императоров», где жил Кушелев-Безбородко, и вскоре получил приглашение поехать в Петербург, чтобы быть свидетелем на свадьбе его свояченицы⁴⁴. По прибытии Дюма в Петербург Ф. И. Тютчев писал своей жене 3 июля (н. ст.) 1858 г.: «Дюма привез сюда на свой счет граф Кушелев, который женат на слишком известной особе—на бывшей госпоже Голубцовой, сестра которой выходит замуж за знаменитого Юма, вызывателя духов, благодаря приданому в 200 000 франков, назначенному ей графом Кушелевым, мужем ее сестры»⁴⁵.

Но новый друг графа Кушелева-Безбородко и будущий шафер на свадьбе «шотландского колдуна», как называл Юма сам Дюма, ехал в Россию в расчете на гостеприимство другого русского аристократа—Дмитрия Павловича Нарышкина, своего старого знакомого, женатого на давней приятельнице Дюма, артистке Женни Фалькон⁴⁶. Литературная поездка Дюма в Россию была его гостинями у русских аристократов.

24 июня (н. ст.) Ф. И. Тютчев, скептический и тонкий наблюдатель жизни и молвы светского и придворного Петербурга 50-х годов, сообщал жене последнюю новость:

«Вот уже несколько дней, как мы обладаем двумя знаменитостями: Юмом, вызывателем духов, и Александром Дюма-отцом. Оба приехали под покровительством графа Кушелева»⁴⁷.

Поселившись у Кушелева и став постоянным посетителем салона Нарышкиных, Дюма сделался предметом праздного любопытства светских кругов Петербурга. Его отлично знали там, как увлекательного рассказчика, и ценили, как писателя, который не досаждал дворянскому читателю ни новизной социальных идей, ни смелостью критики или обличения. Тем, кому был несносен суровый реализм Бальзака и кого смущала социальная правда Гоголя и его последователей, тем был особенно приятен

неисчерпаемый вымысел Дюма, вызывавший увлекательные миражи в унылой пустыне Франции Наполеона III и России Николая I и его наследника. Читатели и критики петербургских салонов готовы были ставить роман Дюма недосягаемым образцом для Тургенева, Гончарова, Писемского, с их «тенденциозностью». Очередной роман Дюма был непременно принадлежностью каждого светского будуара или гостиной, где не находилось места для «Рудина», «Обломова» или «Тысячи душ». Вот почему л и ч н ы й успех Дюма в петербургском светском и полусветском кругу был предопределен. Как шумен был этот успех, видно из зарисовки встречи с Дюма в каком-то петербургском летнем обществе, сделанной иронической рукой того же Тютчева: «На днях вечером я встретил Александра Дюма... Я не без труда протиснулся сквозь толпу, собравшуюся вокруг знаменитости и делавшую громко ему в лицо более или менее нелепые замечания, вызванные его личностью, но это, повидимому, несколько его не сердило, и не стесняло очень оживленного разговора, который он вел с одной слишком известной дамой, разведенной женой князя Долгорукова, кривоногого. Ты согласишься, что это соединение было неизбежно, и рамка, которая их окружала, эта толпа любопытных зевак, была вполне подходящей. Дюма был с непокрытой головой, по своему обыкновению, как говорят; и эта уже седая голова, несколько напоминающая Лаблаша, довольно симпатична своим оживлением и умом»⁴⁸.

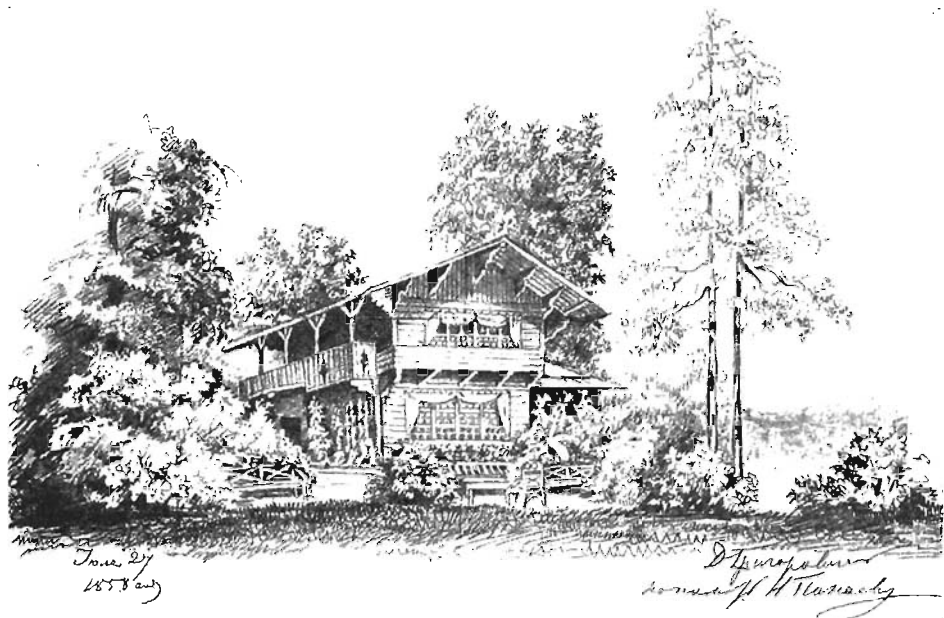
В очередном фельетоне «Петербургская жизнь», посвященном пребыванию Дюма в Петербурге, И. И. Панаев, вспоминая напутствие Жюль Жанена, регистрирует: «Петербург принял г. Дюма с полным русским радушием и гостеприимством... да и как же могло быть иначе? Г-н Дюма пользуется в России почти такую же популярностью, как во Франции, как и во всем мире между любителями легкого чтения, а легкие чтцы составляют большинство в человечестве... Весь Петербург в течение июня месяца только и занимался г. Дюма. О нем ходили различные толки и анекдоты во всех слоях петербургского общества; ни один разговор не обходился без его имени, его отыскивали на всех гуляньях, на всех публичных сборищах, за него принимали бог знает каких господ. Стоило шутя крикнуть: Вон Дюма!—и толпа начинала волноваться и бросалась в ту сторону, на которую вы указывали. Словом, г. Дюма—был львом настоящей минуты»⁴⁹.

Это преклонение перед Дюма петербургской светской и полусветской знати и ее провинциальных подражателей из дворянских особняков и усадеб дошло до того, что даже «Русский Вестник» Каткова счел нужным отозваться ядовитой статьей Н. Ф. Павлова под заглавием: «Вотяки и г. Дюма». «Вотяки»—это петербургские почитатели Дюма, относящиеся к заезжему писателю, как темные лесные вотяки к идолу Керемети—с тем же тупым и раболепным благоговением. Сотрудник журнала, насаждавшего тогда в российских усадьбах умеренный либерализм английских коттеджей, Павлов делал выговор своим соотечественникам из петербургских бельэтажей:

«Кто незнаком с произведениями г. Дюма? Кажется, надо сгореть от стыда, если вас уличат, что вы не знаете из них ни слова. Между тем в любом европейском салоне, в обществе европейских ученых, литераторов, вы можете смело сказать: я не читал ни одной страницы из г. Дюма, и никто не заподозрит вас в невежестве или равнодушии к искусству. Напротив, вы дадите еще о себе выгодное мнение, про вас подумают, что вы

строги в выборе книг для вашего чтения, что вы одарены тонким чувством, взыскательным умом, и что вы посвящаете время серьезным занятиям. Да, вы не упадете, а вырастаете в глазах просвещенного общества. Но если вы скажете, например, что вовсе не читали Диккенса, Теккерея, Жорж-Санда, то произойдет другое впечатление, станут сомневаться, уж читаете ли вы что-нибудь⁵⁰.

Известия об азиатском раболепстве перед Дюма светской знати Петербурга проникли в европейскую печать, и вежливый выговор Павлова сменился гневным окриком А. И. Герцена в сентябрьских листах (23—24-м) его «Колокола»:

ДАЧА И. И. ПАНАЕВА В ПЕТЕРГОФЕ, НА КОТОРОЙ БЫВАЛ АЛЕКСАНДР ДЮМА (отец)

Рисунок Д. В. Григоровича, 1858 г.

Литературный музей, Москва

«Со стыдом, с сожалением читаем мы, как наша аристократия стелется у ног А. Дюма, как бегают смотреть «великого и курчавого человека» сквозь решетки сада, просится погулять в парк к Кушелеву-Безбородко. Нет, видно, образованным не станешь, как ни соединишь по несколько аристократических фамилий и как ни разорь по несколько тысяч душ— «Nation of flunkys», говорит «Daily Telegraph», рассказывая об этом. Наши аристократы, действительно, составляют дворню, и оттого у них не много больше такта, как вообще в передних»⁵¹.

Для Герцена триумф Дюма в Петербурге в 1858 г., в эпоху ликвидации николаевского режима, в преддверии крестьянской реформы, был знаком умственной пустоты и пошлой праздности господствующего класса.

Литературное путешествие Дюма превратилось в путешествие по светским салонам Петербурга. Соприкосновения Дюма с литературным кругом столицы были редки и случайны. «У гр. Кушелева я присутствовал на свадьбе известного престижжигатора Юма, венчавшегося с сестрою жены графа,

урожденной Кроль», — рассказывает Д. В. Григорович, — «шаферами со стороны Юма были присланные государем Александром II два флигель-адъютанта: граф А. Бобринский и граф А. К. Толстой, автор трагедии «Смерть Иоанна Грозного». На этой свадьбе я познакомился с А. Дюма... Он рад был встрече со мной и просил дать ему случай познакомиться с кем-нибудь из настоящих русских литераторов. Я назвал ему Панаева и Некрасова. Он радостно принял предложение к ним ехать»⁵².

Григорович превратился в чичероне Дюма, в очень удачного чичероне, как об этом оповещал alter ego Григоровича — Панаев в своем фельетоне: «лучшего путеводителя по Петербургу г. Дюма не мог бы найти. Ему знаком Петербург во всех его подробностях, начиная от аристократических салонов, до самых последних и темных закоулков толкучего рынка». Но удача чичероне Григоровича, очень заметная в салонах и на рынках, оказалась неудачей в литературных местах Петербурга. Дюма, действительно, сделался довольно частым, но, как свидетельствуют воспоминания А. Я. Панаевой, едва ли особенно желанным гостем Некрасова. Для Некрасова, в 1858 г. все более и более закреплявшего свою идейную и редакторскую связь с представителями молодой, революционной демократии, с Чернышевским и Добролюбовым, знакомство с Дюма не представляло никакого интереса, — скорее, наоборот, его успех в Петербурге мог возбуждать в «поэте мести и печали» чувства, подобные тем, что выразил Герцен. Даже сам мажорный Дюма, описывая свою встречу с редактором «Современника», не мог изгладить минорного приема, оказанного ему Некрасовым. «Некрасов, — менее общительного характера, — удовольствовался тем, что встал, поклонился и подал мне руку, поручив Панаеву извиниться за свое незнание французского языка...» (Некрасов, как известно, немало переводил с французского, и ссылка на полное незнание французского языка была удобным предлогом уклониться от беседы с Дюма). «...Я внимательно вглядывался в него. Это человек тридцати восьми или сорока лет, с болезненным и очень грустным лицом, с характером мизантропическим и насмешливым». Некрасов отражен в книге Дюма только тремя переводами его стихотворений, сделанными «при помощи Григоровича», да обвинением в том, что он в стихотворении «Княгиня» (одном из переведенных Дюма) возвел «клевету на одного нашего соотечественника», доктора-француза, женившегося на гр. Воронцовой-Дашковой, прототипе некрасовской «Княгини». «Мрачный поэт, — по словам Дюма, — в этом своем стихотворении извлек из-под пера новую язвительность»⁵³.

Прочных литературных связей в России Дюма не завязал. Он поддержал свое старое знакомство с гр. Е. П. Ростопчиной, ставшей, как раз в это время, предметом нападок со стороны Н. П. Огарева, Н. А. Добролюбова и других представителей прогрессивных течений в русской литературе. Из новых же литературных знакомств существенной для Дюма оказалась только связь с Д. В. Григоровичем, который сам в конце 50-х годов уже сходил с передовых позиций литературы, трактуемый Чернышевским, как представитель барской псевдоэстетической беллетристики, и вытесняемый из поля зрения широкого читателя Тургеневым, Гончаровым, Л. Толстым, Писемским.

Дюма только упоминает в своей книге о Тургеневе и Толстом, но много и охотно говорит о Григоровиче: он, по словам Дюма, «наравне с Тургеневым и Толстым пользуется симпатиями русской молодежи»; роман Гри-

горовича «Рыбаки» Дюма приравнивает к «Cousin Pons» Бальзака, к «Валентине» Жорж Санд.

Беседы с Григоровичем явились для Дюма путеводителем по истории русской литературы, и те страницы книги Дюма «En Russie», которые посвящены Пушкину, Полежаеву, Некрасову, современным журналистам и самому Григоровичу, обязаны своим происхождением сообщениям Григоровича, так же как страницы, посвященные Лермонтову, обязаны воспоминаниям Е. Ростопчиной.

При помощи Григоровича Дюма перевел для своей книги ряд стихов Некрасова, Пушкина, Вяземского. Не без его же помощи он набрел на «Ледяной дом» Лажечникова. Роман этот начал печататься в «Monte-Cristo», с № 13, вышедшего 15 июля 1858 г., с постскриптумом Дюма к его «Петербургскому письму»: «Дорогие читатели! Вы видите, я не медлю сделать ничего, что могло бы, как мне кажется, доставить всем удовольствие: как только я приехал сюда, мне назвали, как обладающий большими достоинствами, роман Лажечникова «Ледяной дом». Один из моих друзей перевел этот роман под моим наблюдением, и вот перед вами первая глава. Читайте роман с доверием: мне представляется невозможным, чтобы то, что интересует меня, не было бы интересным для вас». Кроме этого постскриптума, имя Лажечникова исчезает со страниц журнала навсегда. Под первой же главой «La maison de glace» стоит безоговорочная подпись: «Alex. Dumas» и продолжает стоять до эпилога романа, под которым подписано «Alex. Dumas. Fin.»⁵⁴. Читателю предлагалось принять «La maison de glace» за новый роман самого Александра Дюма.

Обогащение литературного багажа Дюма романом «Ледяной дом» — одна из услуг его усердного литературного путеводителя — Григоровича, который, по словам Дюма, сам «предложил себя в мое распоряжение на все то время, которое я проведу в Санкт-Петербурге».

«Чичеронство» Григоровича при французской знаменитости вызвало резкие нарекания на него со стороны Писемского, выражавшего здесь мнение ведущей группы писателей 50-х годов: «Григорович, — сообщал Писемский Дружинину 2 июля 1858 г., — желая вероятно получить окончательно европейскую известность, сделался каким-то прихвостнем Дюма, всюду ездит с ним и переводит с ним романы». На одном из вечеров у Кушелева-Безбородко, собиравшего литераторов для предпринимаемого им журнала «Русское Слово», произошла неприятная для Дюма история, о которой Писемский рассказывает так: «Друг наш Мей, бывши у Кушелева и выпивши достаточно (разбранил), об'яснил Дюма откровенно все, что думают о нем в России, чем ужасно оскорбил того, так что он хотел вызвать его на дуэль»⁵⁵.

Для характеристики отношения демократической литературы и журналистики к Дюма и его русскому путешествию представляют значительный интерес воспроизводимые нами два листа карикатур Н. Степанова из его альбома «Знакомые» (СПБ. 1858).

В листе XXVI (цензурное разрешение от 17 июля), озаглавленном «Дюма в Петербурге», Степанов сатирически изобразил историю приезда Дюма в русскую столицу. В петербургских литературных кругах в то время уже было известно, что граф Г. А. Кушелев-Безбородко предпринимает со следующего года издание журнала «Русское Слово», и не менее было известно, что Дюма привезен в Петербург этим графом. Степанов обобщил эти два факта в одной карикатуре: граф Кушелев, мизерный и жалкий,

вручает огромному Дюма два мешка с червонцами. Сзади виден паровоз под парами; из паровоза протягивается рука с длиннейшим пером, которым она водит по бумаге: намек на быстроту, с какой писались «путевые очерки» Дюма. Под карикатурой подпись: «Дюма (отец) получает из Петербурга приглашение сообщить дух национальности журналу под названием „Русская речь“». Другая карикатура объясняет читателю основную причину поездки Дюма в Россию—его бегство от литературных процессов и падение его успеха у читателей. Подпись под карикатурой гласит: «Дюма устраивает баррикады из своих творений, но и эти твердые оплоты распадаются перед мелким, но сильным честолюбием его преследователей».

Две карикатуры высмеивают петербургские «успехи» Дюма. На одной писатель изображен убегающим «от литераторов и других личностей, имеющих претензию на европейскую знаменитость». Преследующие Дюма говорят ему «все хором: М-г Дюма, не забудьте сказать в ваших записках, что в Петербурге живут Г., К., М., Н., и проч.». Эту фразу Бобчинского произносит вместе с другими и «Г.»—Григорович, уцепившийся обеими руками за фалды Дюма и пытающийся таким способом приобщиться к европейской известности. На другой карикатуре—«Дюма, преследуемый литераторами и другими личностями, набегает на толпу дам с альбомами». В результате —«Дюма, пораженный паническим страхом, летит из Петербурга» через «горы, леса и реки».

Лист XXXI своих «Знакомых» Степанов назвал: «Ал. Дюма в России» (цензурное разрешение от 13 сентября).

Лист открывается блестящей карикатурой на хвастливое обещание Дюма, данное им перед отъездом из Парижа своим читателям, побывать в гостях у Шамиля. Дюма изображен ухватившимся руками за одежду Шамиля, который пытается вырваться и кричит: «М-г Дюма, оставьте меня в покое, я спешу отразить нападение русских». На это Дюма отвечает: «Об этой безделице можно подумать после, а теперь мне нужно серьезно переговорить с вами: я приехал сюда, чтобы написать ваши записки в 25 томах и желаю сейчас же приступить к делу». Весь лист высмеивает литературный гиперболизм Дюма-путешественника. Степанов зло и остроумно издевается над беспардонным беллетристическим «завирательством» путевых очерков Дюма. Вот писатель появляется с тростью, «предшествуемый славою истребителя медвежьего бифстека» (намек на эпизод в «Записках учителя фехтования», где жена декабриста со своим спутником, едущим в Сибирь, усиленно питается медвежьими бифштексами)—и медведи в панике бегут от Дюма. Соседняя карикатура иллюстрирует текст: «Один смелый медведь решается съесть самого Дюма, но по неосторожности начинает с головы и давится волосами знаменитого писателя». Злая карикатура высмеивает «изучение» французским писателем русского народа: «Дюма в угодность русским надевает национальное их платье, но не может сладить с своею прической и обращается к русским куаферам». «Русские куаферы»—два здоровенных мужика—расчесывают граблями шевелюру Дюма, переодевшегося в русский кафтан, шаровары и сапоги.

Под этими карикатурами сделан анонс: «Все это будет помещено в журнале «Монте-Кристо» с другими путевыми впечатлениями и замечательными очерками, писанными со слов русских, знающих очень хорошо Россию из иностранных источников».

Дюма (отец) поучает из Петербурга приславшуюся отцу на шашлыки, стрелку лорд извлекшая Русская рука

Дюма берет от англичанов и других иностранцев, вышедших протестом на съезде, и говорит: «Вся хвала» Мр. Дюма не забывает сказать в своих замесках что в Петербурге живут Г. К. М., П., и проч.

Дюма критикует барикаду из своих товарищей, что в это время войны, разлагается вера в войну, во славу истощения его предшественника.

Дюма, пришедший из Петербурга и другим иностранцам, чтобы не толкуясь с Либоманом. Вся Мр. Дюма, вышедшая из что выбор из власти. Он так много слышал.

Дюма, поразивший иностранцев, летит из Петербурга. Гора, эта и эта—она не прервала бы лететь бы огнем.

Дюма, поразивший иностранцев, летит из Петербурга. Гора, эта и эта—она не прервала бы лететь бы огнем.

Н. Степанов

Иллюстр. рис. Н. Степанов. СПб. 1858 г. Издатель: Н. Степанов.

Эти «русские» изображены тут же в виде восседающих в креслах ослов, одетых по последней моде; с их слов Дюма записывает свои (*impressions de voyage*). Нетрудно догадаться, что злая карикатура эта метит в Кушелева-Безбородко, Нарышкина и других великосветских друзей Дюма, снабжавших его сведениями по части «*Rossica*».

В «Листке знакомых», представляющем собою текст к альбому «Знакомые» (1858, № 12, 20 октября), обозревая содержание всего альбома, Степанов ставит себе в заслугу, что среди других раритетов изобразил и двух «фокусников—Кактома и Александра Дюма». Первый из них был, действительно, фокусником. Дюма был показан Степановым, как фокусник от литературы.

В «Сыне Отечества» (1858, № 52, 28 декабря, стр. 1575) Степанов поместил еще одну карикатуру на Дюма.

Он нарисовал французского писателя с большой шевелюрой, без шляпы, в заносчивой позе; почтительно стоя перед ним, его приветствуют два кавказца:

«М-г Дюма! Мы кланяемся вам—снимаем шапки; отчего же вы не отвечаете тем же? Могли бы и вы снять шапку.

Д ю м а: На мне шапки нет; а что я никому не кланяюсь, хожу по улицам в фантастическом костюме и являюсь в порядочные дома с грязными ногами, то это потому, что я оставил вежливость в последнем европейском городе—Петербурге».

Знаменитый карикатурист, будущий редактор демократической «Искры», ополчился на Дюма за то, что по Кавказу он путешествовал, как «колонизатор» по завоеванному африканскому захолустью: с чванным презрением к «варварам».

Карикатуры Н. А. Степанова поддерживали тот отрицательный прием, который Дюма встретил в демократических литературных кругах Петербурга.

Успех Дюма в литературных кругах Петербурга был крошечной миниатюрой в сравнении с большим полотном тех его успехов у светской знати, которые вызвали гневный выпад Герцена.

2

Успех этот был в самом разгаре — было 6 августа (н. ст.) 1858 г., когда председатель Комитета цензуры иностранной, Ф. И. Тютчев, должен был на полуслове прервать свое письмо к жене:

«Я грубо прерван приходом курьера, посланного ко мне министром Ковалевским с очень спешным письмом, в котором он просит меня убедиться, наш ли цензурный комитет пропустил некий номер журнала, издаваемого Дюма и называемого «Монте-Кристо».

Как раз я вчера узнал случайно в Петергофе от княгини Салтыковой о существовании этого номера, содержащего, повидимому, довольно нескромные подробности о русском дворе, так что добрейшая княгиня, очень наслаждавшаяся их чтением, не могла скрыть от меня своего удивления, что подобные вещи допускаются в печати. К счастью, наш бедный комитет неповинен в столь преступной снисходительности, по крайней мере как целый комитет, и надо предполагать, что один из цензоров, на свою личную ответственность, пропустил этот злополучный номер. Пока, так как мы по высочайшему повелению будем делать расследование, что сильно затруднено тем, что сегодня праздник, ты можешь себе

представить, в какую лужу мы сели, и потому моя голова недостаточно свободна, чтобы написать такое пространное письмо, как я хотел»⁵⁶.

Удар, обрушившийся на председателя Комитета цензуры иностранной, был вызван первыми же «Causerie», которыми Дюма начал свое путешествие «De Paris à Astrakan». Еще не доехав до Петербурга, Дюма уже предпринял путешествие по темным закоулкам русской истории или, точнее, истории правившей Россией царской династии, углубившись здесь в мрачный, преступный, а потому и запретный для исторической огласки лабиринт дворцовых переворотов и придворного фаворитизма XVIII века.

В № 10 «Monte-Cristo» от 24 июня (н. ст.) он, со слов гр. Г. А. Кушелева-Безбородко, рассказал историю возвышения при Павле I А. А. Безбородко, который уничтожил после смерти Екатерины II завещание императрицы, отдававшее престол внуку Александру, и тем обеспечил себе неизменную благосклонность и милости нового императора.

В следующей «Causerie», помещенной в № 12 «Monte-Cristo», вышедшем 8 июля 1858 г., Дюма, продолжая свой рассказ о Павле I, сообщил целую коллекцию случаев его беспримерного самодурства и безумного самоуправства. В числе этих случаев было и известное происшествие с полком, который не угодил императору и был за это отправлен им прямо с плац-парада в Сибирь⁵⁷.

Увлекательные экскурсии Дюма заводили русского читателя в запретную зону русской истории: история с завещанием Екатерины в пользу Александра считалась в царской России государственной тайной, а последующие рассказы про нелепые проделки Павла I только подтверждали правоту Екатерины, отстранявшей Павла I от престола, как маниака и безумца.

Рассказывая все это про деда царствующего императора той страны, куда он направился путешествовать, Дюма, опять, как в 1840 г. в «Записках учителя фехтования», вытаскивал из тьмы и пыли архивов историческое «Дело о так называемых Романовых», которым вряд ли могла гордиться царствующая династия.

Поступок Дюма мог казаться Александру II тем более дерзким, что для рассказов о Павле I он воспользовался рядом отрывков из строго запрещенных Николаем I «Записок учителя фехтования»⁵⁸.

С точки зрения Александра II и его слуг, Дюма, отправлявшийся в путешествие по России, не мог дать лучшего предварительного доказательства своей неблагонадежности, чем это историческое вступление, воскрешавшее те страницы царствования Романовых, которые были запретны для русского читателя. Письмо Тютчева свидетельствует, что исторические этюды Дюма имели шумный успех скандала в светском и придворном кругу, где в это время дулись на Александра II за его намерение нарушить крепостнические привилегии дворянства. Что предпринял Тютчев, чтобы прекратить доступ исторических рассказов Дюма в Россию и что пришлось ему отвечать разгневанному Александру II,—остается, к сожалению, неизвестным, так как делопроизводства Комитета цензуры иностранной за 1858 г. не сохранилось⁵⁹. Но Дюма, во все время своего пребывания в России (июнь 1858—февраль 1859), продолжал свое путешествие по русской истории и успел за этот срок рассказать много неприятного для Романовых и запрещенного для русского читателя. Едва ли не половина его книги «En Russie» отведена русской истории. Из последовательных глав первого тома—«Романовы», «Стрелецкий бунт», «Жена денщика», «Петр I

ОБЛОЖКА ДЕЛА III ОТДЕЛЕНИЯ ОБ
УЧРЕЖДЕНИИ НАДЗОРА ЗА АЛЕ-
КСАНДРОМ ДЮМА (отцом), 1858 г.

Архив революции, Москва

Архив на Дюма

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

СОБСТВЕННОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

ОТДѢЛЕНІЕ III

ЭКСПЕДИЦИИ

№ 125

*Объединенный надзор за Французскими издава-
ниями, писанными Александром Дюма*

18 Июля 1858 г.

и Карл XII», «Царь и царица», «Фавориты Павла I», и второго тома—«Заговор Палена», «Регентство Бирона», «Елизавета и Лесток», «Другая легенда московской Бастилии», «Александр I», «Правая рука царя», «Северное общество», «Мученики», «Изгнанники»—пред читателями в хронологической последовательности встали запретные главы русской истории: кровавое усмирение Петром I стрелецкого бунта, история превращения ливонской девки Марты в русскую императрицу Екатерину I, страшный розыск по делу царицы Евдокии Лопухиной, самодержавное фаворитство Бирона, романы Елизаветы, низложение брауншвейгской династии, история княжны Таракановой, убийство Павла I (для главы «La conspiration de Pahlen» Дюма опять перепечатал ряд страниц из XII главы своего «Maitre d'armes...»), господство Аракчеева, заговор декабристов. Это был целый курс русской запретной истории, написанный для самого широкого читателя.

Прервать это историческое путешествие Дюма было не во власти русского правительства: оно совершалось в Париже, на страницах «Monte-Cristo». Правительство Александра II понимало, что времена Николая I отошли в вечность,—поэтому оно не прервало и географического путешествия Дюма и даже не вставляло палок в колеса его экипажа, направлявшегося из Петербурга в Москву, в Нижний-Новгород, в Астрахань, в Тифлис. Но правительство ни на минуту не упускало путешествующего Дюма из своих глаз и учредило над ним тайный полицейский надзор, настолько секретный, что сам Дюма никогда не узнал о нем, как не узнали этого и все биографы писателя.

18 июля (30 июля н. ст.) глава русской политической полиции—шеф жандармов и начальник III отделения собственной его величества канцелярии, кн. В. А. Долгоруков, послал следующее «секретное предписание» в Москву, Нижний-Новгород и Одессу:

№ 658

ПОДОБНОГО ЖЕ СОДЕРЖАНИЯ:

Начальнику 5-го округа К. Ж.
с обозначением, вместо Москвы,
Одесса — № 659.

Начальнику 7-го округа К. Ж.
с обозначением
в Нижнем-Новгороде — № 660.

18-го июля 1858 г.

Г. начальнику

2-го округа корпуса жандармов

Известный французский писатель Александр Дюма (отец), прибыв в недавнем времени из Парижа в С.-Петербург, намерен посетить и внутренние губернии России, для каковой цели собирается ехать и в Москву.

Уведомляя о сем ваше превосходительство, предлагаю вам, во время пребывания Александра Дюма в Москве, приказать

учредить за действиями его секретное наблюдение и о том, что замечено будет, донести мне в свое время.

Генерал-адъютант Долгоруков

В несколько измененном виде подобное же «предложение» через день было послано в Тифлис, к наместнику императора на Кавказе, кн. А. И. Бяргинскому⁶⁰.

С этого момента все путешествие Дюма было взято под непрерывный надзор, и в донесениях жандармов своему шефу мы находим недурной итинерарий пребывания Дюма в России.

Жандармский надзор за Дюма представлялся его инициаторам тем необходимее, чем более его путешествие привлекало внимание публики и создавало шум вокруг его имени.

Н. Ф. Павлов в таких красках рисует картину переезда Дюма из Петербурга в Москву:

«В Москву... ехал г. Дюма в особом отделении. На одной из станций случилось следующее замечательное происшествие. Когда французский литератор явился в залу, то его окружили любопытные. Не забудьте, что поезд шел из Петербурга и, следовательно, это были или его просвещенные жители, или люди, более или менее не чуждые уже блеску той утонченной образованности, которою с таким серьезным убеждением гордится каждый петербуржец перед своими соотечественниками. Тут нашлись, разумеется, мужчины и женщины, отцы, матери и дочери. Из этой толпы начали раздаваться слова: «Господин Дюма, позвольте представить вам мою жену». Представленная таким образом жена провозглашала в свою очередь: «Господин Дюма, позвольте представить вам моего мужа». Затем г. Дюма сел за стол, начал говорить, толпа не расходилась, слушала. Вот у нас беспрестанно обвиняют Петербург в холоде. Неужели и это холод? Да такого жару дай бог отыскать и в Неаполе! Незнакомая дама, почтенная мать, верная жена, подходит на станции к писателю, и ничего более, как писателю, видит его в первый раз и говорит ему: «Позвольте представить вам мою дочь». Позвольте же узнать, вы, строгие противники северной зимы, безжалостные наблюдатели градусов сердечной теплоты, что ж это, как не энтузиазм и соединенное с ним преувеличение чужого достоинства, забвение всех приличий? Следовало, если уже желание знакомиться на станции было непреоборимо, пополнить вышеприведенную французскую фразу незначительной прибавкой и сказать: «Ma chère, позволь тебе представить monsieur Dumas»⁶¹.

Дюма провел в Москве вторую половину июля (ст. ст.) и весь август 1858 г. Его пребывание в Москве следующим образом описано в жандармском донесении, отправленном в Петербург:

ОТ НАЧАЛЬНИКА 2-го ОКРУГА
КОРПУСА ЖАНДАРМОВ

Сентября 18 дня 1858 г.

№ 67

Москва

О французском писателе
Дюма

*Шефу жандармов,
господину генерал-адъютанту и
кавалеру князю Долгорукову 1-му*

Во исполнение секретного предписания вашего сиятельства от 18-го июля сего года за № 658, я имею честь донести, что французский писатель Дюма (отец), с приезда своего

в Москву, в июле месяце сего года жил у гг. Нарышкиных, знакомых ему по жизни их в Париже; многие почитатели литературного таланта Дюма и литераторы здешние искали его знакомства и были представлены ему 25 июля на публичном гулянье в саду Эльдорадо, литератором князем Когушевым, князем Владимиром Голицыным и Лихаревым; которые постоянно находились при Дюма в тот вечер; 27-го же июля в означенном саду в честь Дюма устроен был праздник, названный ночью графа Монте Кристо. Сад был прекрасно иллюминирован и транспарантный вензель А. Д. украшен был гирляндами и лавровым венком. В тот день, в честь Дюма, князь Голицын давал обед и оттуда прямо Дюма приехал на праздник в Эльдорадо; в этот вечер с ним были двое Нарышкиных, живописец Моне и М-м Вильне, сестра бывшего в Москве французского актера, которая, как говорят, постоянно путешествует вместе с Дюма.

В Москве Дюма посещал все достопримечательности и ездил в предместья Москвы; в начале августа с сыновьями генерала Арженевского он ездил в имение отца их, находящееся близ села Бородина, где осматривал памятник и бывшие в 1812 году батареи; был в Спасо-Бородинской пустыне, в Колоцком монастыре и в бородинском дворце, который в то время отделялся в ожидании высочайшего приезда императорской фамилии. В семействе Нарышкиных, где жил Дюма, его очень хвалят, как человека уживчивого, без претензий и приятного собеседника. Он имеет страсть готовить сам на кухне кушанья и, говорят, мастер этого дела.

Многие, признавая в нем литературные достоинства, понимают его за человека пустого и потому избегали, или сдерживались при разговорах с ним, опасаясь, что он выставит их в записках и будет передавать слышанное от них вопреки истине. 7-го сего сентября Дюма выехал из Москвы с семейством Д. П. Нарышкина, в имение его Владимирской губернии Переяславль-Залесского уезда, село Елпатьево, где, как говорят, намерен пробыть дней 15, а оттуда, вместе с живописцем Моне, намерен отправиться в Нижний-Новгород.

Владимирскому и нижегородскому штаб-офицерам корпуса жандармов сообщено о сем для зависящего с их стороны распоряжения к секретному наблюдению за Дюма.

Подпись⁶²

Это жандармское донесение изобилует надежными вехами московских «трудов и дней» Дюма.

В Москве он жил в Петровском парке, на роскошной даче Нарышкиных. Давняя приятельница Дюма, артистка Женни Фалькон (род. 1825), дебютировавшая в 1841 г. в Париже в театре «Gympase», перешла в Петербург, в Михайловский театр. Выступая несколько лет в Петербурге, она, по

словам Дюма, «оставила театр и создала один из самых элегантных петербургских салонов. Нет ни одного выдающегося француза, который бы не посетил при проезде через Петербург ее салон. Один из моих давних друзей, принадлежащий если не к самой древней, то к одной из самых известных фамилий России, в течение 10—12 лет вместе с ней принимает гостей в этом салоне. Этого друга зовут Дмитрием Павловичем Нарышкиным [1795—1868, камергер императорского двора.—С. Д.]. Дюма был на короткой дружеской ноге с Нарышкиными. О своем прибытии в Петербург он известил их запиской:

Дорогие друзья,

Я приехал и обнимаю вас. Женни я прижимаю к моему сердцу справа, Нарышкина—слева. Ваш Дюма. Одной Женни Дюма писал в Петербурге записки еще более интимные, в роде следующей: «Относительно обеда я вполне полагаюсь на вас; только обязательно должны быть раки и карп, вино к угрю, не перетушенному и не перепеченному. Я приготовлю матлот и раков. Я слишком доволен, чтобы быть остроумным. Могу только целовать вам ручку, завидуя тому, кто целует то, что я не целую. Конечно, я очень рад пообедать вместе с д'Оссуна [испанский посол.—С. Д.], мой друг [художник Муане.—С. Д.] целует шнурки ваших ботинок.

Сердечно преданный Дюма⁶³

В главе «Москва» своей книги «En Russie», описывая свое московское пребывание, Дюма занят историческими воспоминаниями и бытовыми подробностями. Гулянья в саду Эльдорадо, устроенного в честь него его московскими почитателями, он не описал. Из числа этих почитателей жандармское донесение называет Константина Павловича Нарышкина (1806—1880, брат предыдущего), гофмейстера двора, затем упоминает «литератора»—князя Григория Васильевича Кугушева (1824—1871), автора известной в свое время повести «Корнет Отлетаев» и нескольких имевших успех пьес («Друзья приятели», «Комедия без названия» и др.), князя Владимира Сергеевича Голицына (1794—1861) и неизвестного нам Лихарева.

«Эльдорадо» был увеселительный сад на окраине Москвы, в Сущеве, содержимый А. Педотти. Об устроенном здесь празднике в честь Дюма в № 160 «Ведомостей Московской Городской Полиции» от 26 июля был помещен следующий анонс:

«В саду «Эльдорадо» в воскресенье 27 июля дан будет большой великолепный праздник под названием:

«Ночь графа Монте-Кристо, эпизод из романа Александра Дюма». И далее следовало подробное изложение программы обещанных увеселений с неизбежными фейерверками, иллюминацией и бенгальскими огнями.

Устройство открытого широкой публике праздника «Монте-Кристо» свидетельствует о большой популярности Дюма в барской Москве. Дюма сопровождал на празднике, кроме Д. П. Нарышкина и его брата, художник Муане, спутник Дюма в путешествии в Россию. Жан-Пьер Муане (Jean-Pierre Moynet, род. 1819—умер после 1874), работавший в Париже художник, ученик Л. Конье (L. Cogniet), был отличный рисовальщик, обладавший быстрым, четким и нежным карандашом; его первые работы появились в Парижском салоне в 1848 г. Путешествие с Дюма

Toute reproduction et traduction sont interdites.

LE
MONTE-CRISTO

JOURNAL HERDOMADAIRE DE ROMANS, D'HISTOIRE, DE VOYAGES ET DE POÉSIE

PENSÉE ET ACTION

PAR ALEXANDRE DUMAS, SEUL.

A NOS LECTEURS.

Vous nous savez gré, sans doute, d'avoir fait graver et reproduire en tête du journal, le portrait que nous a envoyé l'un des amis d'Alexandre Dumas; c'était évidemment le moyen le meilleur de répondre aux bruits alarmants dont la santé de l'illustre voyageur avait été le sujet pendant quelques jours, et c'était en même temps, nous croyons pouvoir l'ajouter, comme une garantie prise dans l'avenir, contre les inquiétudes auxquelles un voyage comme celui qu'il accomplit peut si facilement donner une apparence de raison.

La photographie dont vous avez la reproduction sous les yeux, a été faite à Astrakan, vers le milieu d'octobre, alors

qu'Alexandre Dumas avait déjà subi en quelque sorte le baptême du froid, l'épreuve redoutée et réellement dangereuse pour une constitution moins athlétique, d'un voyage en plein hiver dans les steppes désertes et sur les neiges glacées de la Russie; eh bien! pour ceux qui l'ont vu à Paris, au moment de son départ, je suis convaincu que, loin d'accuser la moindre altération dans sa santé, cette photographie dira que les fatigues du voyage ont en quelque sorte réparé la lassitude et l'affaissement où le jetaient chaque jour les travaux de son existence ordinaire. Alexandre Dumas reviendra, vous verrez, plus fort et plus jeune qu'il n'est parti, après avoir fait allègrement un voyage où dix hommes ordinaires auraient dû succomber.

DELAVER,
 éditeur, directeur du journal.

СТРАНИЦА ЖУРНАЛА „LE MONTE-CRISTO“ ОТ 9 ДЕКАБРЯ 1858 г., С ПОРТРЕТОМ
 АЛЕКСАНДРА ДЮМА (отца) ПО ФОТОГРАФИИ, СНЯТОЙ В АСТРАХАНИ

дало ему известность: его русские и кавказские пейзажи и жанры, сделанные во время путешествия, долгое время (вплоть до 1874 г.) появлялись на парижских выставках и охотно раскупались (см. воспроизведение в тексте данной работы нескольких неизвестных «кавказских рисунков» Муане, сохранившихся в Московском музее изобразительных искусств). Что касается третьего спутника Дюма на вечере в его честь, г-жи Вильне, то игривый намек московского жандарма, что она была постоянной «сопутешественницей» Дюма, не оправдывается на деле: ни один из казанских, саратовских и астраханских коллег московского осведомителя не упоминает ни о каких других спутниках Дюма, кроме художника Муане и студента Московского университета Александра Калино (род. 1835): этот студент «из купцов» был специально откомандирован ректором Московского университета в качестве переводчика для Дюма⁶⁴.

Праздник в честь Дюма настолько удался, что 30 июля был повторен, а 1 августа московская полицейская газета, под влиянием этого успеха, задним числом оповестила москвичей о приезде Дюма в Москву: «23 июля прибыл в Москву из С.-Петербурга знаменитый французский писатель Александр Дюма и остановился в Петровском парке. Слышно, что Дюма пробудет в Москве 2 недели. Вот что пишет он сам о маршруте своего путешествия по России в журнале своем «Монте-Кристо» о пребывании в Москве... [приводится выдержка из плана осмотра Москвы, изложенного в № 9, от 17 июня н. ст.]... г. Дюма уже начинает платить за наше гостеприимство. В последнем № его журнала появилось начало перевода романа Лажечникова „Последний Новик“»⁶⁵.

В программе своего путешествия, возвещенной в «Monte-Cristo», Дюма обещал осмотреть поле Бородинской битвы и самую Москву посетить не ради одних ее памятников, «но еще и для того, чтобы видеть следы ужасного огня, пожравшего город в 350 000 жителей и заморозившего армию в 500 000 человек». Он, действительно, посетил поле Бородино, Колоцкий и Бородинский монастыри и описал это в главах «Visite à la Moskowa» и «Sur le champ de bataille» (III т. «En Russie»). Для обозрения окрестностей Бородина Дюма останавливался, по особому приглашению, в имении генерал-майора А. И. Арженевского (род. 1793)⁶⁶.

Из Москвы Дюма отправился с Нарышкиным в его имение Елпатьево. В особом письме к читателям, писанном из Казани и напечатанном в № 32 «Monte-Cristo», от 25 ноября, Дюма объяснял цель этой поездки: он хотел «увидеть там жизнь русских помещиков и русских крестьян». Жандармское наблюдение следовало за ним по пятам, как видно из следующего документа:

ОТ ШТАБ-ОФИЦЕРА
КОРПУСА ЖАНДАРМОВ,
НАХОДЯЩЕГОСЯ
ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

№ 133

6-го октября 1858 г.

Г. Владимир

*Шефу жандармов и главному начальнику
III отделения собственной его величества
канцелярии, господину генерал-адъютанту
и кавалеру князю Долгорукову 1-му*

Имею честь почтительнейше донести вашему сиятельству, что известный писатель Александр Дюма (отец), пробыв в Переяславском-Залесском уезде, в имении тамошнего помещика Дмитрия Павловича Нарышкина, в селе Елпатьево, несколько дней, отправился с ним вместе в Нижний-Новгород, о чем сообщено мною тамошнему

штаб-офицеру; во время пребывания его во Владимирской губернии ничего предосудительного за ним не замечено.

Полковник Богданов⁶⁷

3

В Нижнем-Новгороде Дюма ждала неожиданная встреча. Произошла она в доме нижегородского губернатора, Александра Николаевича Муравьева (1792—1863), куда Дюма был приглашен на обед и вечерний чай.

Вот что сообщает об этой встрече сам Дюма:

«Отворилась дверь—и возвестили:

— Граф и графиня Анненковы.

Эти два имени заставили меня вздрогнуть и вызвали во мне смутное воспоминание... Я встал. Генерал взял меня за руку и подвел к вошедшим.—Г-н Александр Дюма,—сказал он,—граф и графиня Анненковы, герой и героиня вашего «Учителя фехтования».

Я вскрикнул от неожиданности и заключил в объятия мужа и жену». Это—не сцена из романа Дюма. Это—зарисовка действительности. А. Н. Муравьев, осужденный по IV разряду дела о декабристах, был, после возвращения из ссылки, с 10 сентября 1856 г. по 1861 г., нижегородским губернатором. Иван Александрович Анненков, с 1839 г. служивший в Сибири по гражданской части, был восстановлен в правах по манифесту 26 августа 1856 г. и, по ходатайству Муравьева, в 1857 г. был назначен состоять при нем чиновником особых поручений. Дюма, напрасно наградивший Анненкова титулом графа, почти безошибочно определил место Анненкова при Муравьеве: «le général avait offert à Annenkof la place de son secrétaire». Анненков пробыл в этой должности до 1861 г., когда был избран нижегородским уездным предводителем дворянства.

Автор романа о декабристе Анненкове и его жене—бывшей Полине Гебль—провел в Нижнем в обществе своих героев три дня. От них Дюма узнал многое о личности и творчестве декабриста Александра Бестужева-Марлинского и, полный горячего интереса к нему, отыскивал литературные и вещественные следы пребывания его на Кавказе⁶⁸. 17 марта 1859 г. в «Monte-Cristo» появилось начало повести Бестужева-Марлинского—«Фрегат Надежда»—увы, без единого упоминания имени автора и без какого бы то ни было указания, что это—перевод с русского: под повестью «La frégate de l'Espérance» стояла безоговорочная подпись: «Alex. Dumas»⁶⁹.

В архиве III отделения не сохранилось (или вообще не существовало) жандармского донесения о пребывании Дюма в Нижнем-Новгороде. След этого пребывания отразился, однако, в донесении, посланном в Петербург уже из Казани начальником 7-го округа корпуса жандармов—генерал-лейтенантом Львовым:

НАЧАЛЬНИК 7-ГО ОКРУГА
КОРПУСА ЖАНДАРМОВ

1-го октября 1858 г.
№ 94

В Казани

Рукой Долгорукова: Доложено
его величеству 10 октября

Секретно

Корпуса жандармов подполковник Каптев от 26-го минувшего сентября за № 364-м донес мне, что французский писатель Александр Дюма во время пребывания своего в Нижнем-Новгороде отправил в Париж 24-го того же сентября конверт по адресу в Амстердамскую линию в дом № 77-й. Письмо это отправлено через Москву, по объему надобно полагать, что оно заключает в себе статью литературную.

Ныне г. Дюма прибыл из Нижнего-Новгорода в Казань в сопровождении студента Московского университета Калино и художника Моне и, как известно, намеревается выехать в города: Симбирск, Самару, Саратов и Астрахань, а потому я дал предписания штаб-офицерам этих губерний, чтобы они имели за действиями Дюма самое аккуратное секретное наблюдение и о последствиях мне донесли. Почтительнейше донося о сем вашему сиятельству, на основании предписания от 18 июля сего года за № 660-м, имею честь присовокупить, что о пребывании в Казани и выезде из оной Дюма я буду иметь честь донести особо вашему сиятельству.

Генерал-лейтенант Львов⁷⁰

Жандарм правильно решил, что нижегородский «конверт» Дюма заключал в себе «статью литературную»: Paris, Rue d'Amsterdam 77—это был адрес квартиры самого Дюма, куда он высылал свои путевые письма для «Monte-Cristo».

Донесение генерала Львова замечательно пометкой, сделанной рукой самого шефа жандармов, кн. В. А. Долгорукова: «Должено его величеству 10 октября». Александр II находил время, досуг и интерес участвовать в жандармской слежке за автором «Трех мушкетеров»: чем неприятнее был императору вояж Дюма по темным закоулкам истории Романовых, тем подозрительней относился царь к географическим странствованиям Дюма по России.

После Нижнего Дюма остановился на неделю в Казани—в этом, по его словам, городе, где особенно приметен «le mirage de l'histoire». Глава, посвященная Казани, очень типична для тех описаний русских городов, которыми изобилует «En Russie». Приведя несколько статистических данных о числе жителей, улиц, домов и т. д. в Казани, Дюма иронически спрашивает читателя: «Вы полагаете, это я исчислил все это? Нет, это ученый немецкий историк Эрдманн. Немцы обладают на черепе бугром статистики». Сам Дюма глубоко равнодушен к ней. Его гораздо более интересуют экскурсии в историческое прошлое данного города. Зарисовывать пейзажи он предоставляет своему спутнику Муане, но исторические памятники он не отдает в его исключительное достояние: он любит подавать их с приправой исторических анекдотов и преданий. Дюма любит описывать, как люди едят и пьют, но его мало интересует их экономический быт, их правовой уклад. До Дюма словно не доносится ни одного всплеска, ни одной волны из огромного народного моря, глухо шумящего повсюду на его пути. Крепостной крестьянин, городской ремесленник, волжский бурлак, простой солдат, далее: чиновник, учитель, студент, профессор,—их нет на размашистых страницах Дюма, словно их не было в русской жизни. Рассказ о городе NN у Дюма всегда превращается в живой и веселый рассказ о том, как его там принимали, чем кормили, и о тех, кто его принимал и кормил,—о десятке-другом официальных хозяев города, которые все и всегда оказываются поклонниками автора «Трех мушкетеров». Рассказ этот обычно—на всем пути от Москвы до Поти—сопровождается у Дюма восторгами—совершенно искренними!—по поводу повсеместного широкого русского гостеприимства, в котором Дюма катался, как сыр в масле.

Повествование о пребывании в Казани в точности следует этому образцу. Ряд сведений, легендарных и исторических, о прошлом Казани; ряд

остроумных отчетов о посещении казанских памятников; несколько сочувственных заметок по поводу казанских торгово-промышленных примечательностей: о сафьяновых изделиях и о мехах,—и захлебывающийся от восторга рассказ о русском гостеприимстве, оказанном хозяевами города!

Дюма прибыл в Казань с рекомендательным письмом к управляющему конторой пароходства «Меркурий» и остановился у него. Но у него было еще и другое рекомендательное письмо к «l'intendant général», которого он называет «Jablouovsky» (на деле это был интендантский не генерал, а полковник, не Яблоновский, а Жуковский),—и как только Дюма вручил это письмо, «вся Казань узнала о моем прибытии, и, благодаря русскому гостеприимству, я не нуждался более ни в чем». «Яблоновский» оказался

Gornica Vercini

*La montagne pendoit dans le ciel obscurci
Les vallons sont muets et tristes de solitude.
La poussière s'élève suada vite embrasée
La feuille est immobile et le vent adouci —
— attends moi un peu tu dormiras aussi.*

Lermontoff

Dumas

АВТОГРАФ ПЕРЕВОДА АЛЕКСАНДРА ДЮМА (отца) СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА
„ГОРНЫЕ ВЕРШИНЫ“

Музей писателей Грузии, Тбилиси

«очаровательным человеком», тотчас же предложившим свой дом и экипаж к услугам путешественников. Путешественники сразу «получили двадцать приглашений на обед».

Не менее очаровательным и обязательным оказался другой казанский знакомец Дюма, «le général Lahn», на деле—начальник I отдела окружного правления путей сообщения Фридрих Ипполитович Лан. Новые приятели радовали Дюма подарками: он получил от них «чудеса местного изделия: охотничью сумку от генерала Лана, тюфяк и подушки—от Яблоновского».

Дюма с честью принимал ректор университета (им был тогда известный ориенталист, член-корреспондент Академии наук О. М. Ковалевский, 1800—1878), но университет не заинтересовал Дюма: «Университет в Казани—как все университеты: у него есть библиотека в 27 000 томов, которых никто не читает; сто двадцать четыре студента, которые занимаются

как только возможно меньше; кабинет естественной истории, который посещают только иностранцы...»).

Гораздо примечательнее была встреча, ждавшая Дюма в университете: «В университете мы были встречены полицеймейстером («le grand maître de police»), явившимся предложить себя к нашим услугам».

Вскоре полицеймейстеру представился случай оказать Дюма услугу. Автору «Монте-Кристо» очень хотелось поохотиться с новыми друзьями в окрестностях Казани, а между тем пароход «Нахимов», на котором Дюма должен отплыть вниз по Волге, скоро должен был отвалить от пристани. «Général Lahn» взялся устроить дело. «Он шепнул словцо на ушко полицеймейстеру, и полицеймейстер обещал, что судовые документы «Нахимова» будут в порядке не раньше, как на следующий день после охоты.

Деспотизм доставляет достаточно неудобств, но на этот раз как он был приятен!»—воскликает Дюма.

Все эти казанские обеды, подарки, охоты и приятные «деспотизмы» заставили Дюма сделать вывод: «Я не знаю путешествия более легкого, покойного и приятного, чем путешествие по России. Услужливость всякого рода, приношения всякого вида всюду сопутствуют вам: каждый человек с положением, офицер в чинах или известный коммерсант говорят по-французски и тотчас же отдают в ваше распоряжение свой дом, свой стол, свой экипаж... Путешествие по России—одно из самых прекрасных, которые я совершил». Дюма добавляет к этому: «Денежные детали для путешественников по России, в особенности для артистов, не существенны. С того момента, как вас узнали или снабдили вас хорошими рекомендациями, путешествие по России делается одним из самых дешевых, какие только я знаю. Во время моего путешествия по России (а я проехал 4000 льё) я истратил в течение 10 месяцев немного более 12000 франков, из которых 3000 ушло на покупки». Подсчет Дюма точен: при посещениях Москвы, Нижнего, Казани, Саратова и т. д. и т. д. графа его расходов на квартиру, стол, вино, экипаж равнялась нулю, а его дорожная повозка неизменно наполнялась подарками новоприобретенных русских друзей.

Дюма выехал из Казани, снабженный рекомендациями, обеспечивающими удобство дальнейшего путешествия: тот же «général Lahn» дал Дюма письмо к своему другу, «генералу Беклемишеву, атаману [астраханских] казаков»⁷¹.

Русские власти, заботясь о знаменитом путешественнике, передавали его друг другу с рук на руки.

А один из хозяев Казани, не упоминаемый Дюма в числе его знакомцев, жандармский генерал Львов, доносил в Петербург шефу жандармов:

НАЧАЛЬНИК 7-го ОКРУГА
КОРПУСА ЖАНДАРМОВ

Секретно

Октября 9-го дня
1858 года
№ 102

В Казани

Рукой Долгорукова: Доложено
его величеству 19 октября

Честь имею донести вашему сиятельству в исполнение докладной записки моей от 1-го сего октября за № 94-м, что французский писатель Александр Дюма, во время своего пребывания в Казани в продолжение одной недели, не посещал никакого общества

высшего круга,—жил все время в конторе пароходного общества «Меркурий» в самой отдаленной части города, посещал дом полковника Жу-

ковского, управляющего Казанскою комиссариатскою комиссией, которому был рекомендован из С.-Петербурга, и часто по целым дням пребывал в семействе подполковника инженеров путей сообщения Лан; посетил университет, где два раза был приглашен на чай к ректору университета, действительному статскому советнику Ковалевскому, и также сделал визит г-же начальнице Родионовского института, которая визитом этим осталась весьма недовольна, как по причине весьма неопрятного одеяния, в котором Дюма к ней приезжал, так и по причине неприличных выражений его, употребленных им в разговорах с нею. Вообще Дюма в Казани не произвел никакого хорошего впечатления. Многие принимали его за шута по его одеянию, видевшие же его в обществе — нашли его манеры и суждения общественные вовсе не соответствующими его таланту писателя.

4-го октября Дюма отправился на пароходе через Самару в Астрахань, куда от меня предписано штаб-офицерам — самарскому и астраханскому иметь за Дюма секретное наблюдение. Донесения сих штаб-офицеров по сему предмету я буду иметь честь довести до сведения вашего сиятельства.

Генерал-лейтенант Львов⁷²

Донесение Львова — попадая в тон знакомому нам московскому донесению — старается показать, что Дюма по своему внешнему облику, поведению и манерам оказывается рагвенуе, недостойным общества «благородного российского дворянства». В самом деле, в Казани Дюма не был ни у губернатора, ни у предводителя дворянства. Дюма ни словом не упоминает о посещении им «Родионовского института для благородных девиц». Очевидно, прием, оказанный ему начальницею, Екатериной Дмитриевной Загоскиной, был не из приветливых.

Донесение Львова опять сопровождается отметкой шефа жандармов: «Доложено его величеству 19 октября». Александр II продолжал следить за путешествием Дюма.

Следующая остановка Дюма, не входившая в его планы, была в Саратове.

Повествование о саратовском гостеприимстве самого Дюма в книге «En Russie»⁷³ исполнено искреннего удивления перед заботливым радушием, с которым встретили его в Саратове прикомандированный к губернатору чиновник министерства внутренних дел, кн. А. Б. Лобанов-Ростовский и полицеймейстер майор Позняк: едва только Дюма, не имевший рекомендательных писем в Саратов, переступил случайно порог соотечественницы, содержательницы модного магазина г-жи Сервье, как «к нему явились князь и полицеймейстер с приглашениями на обеды, с подарками». Повествование Дюма неожиданным образом восполняется таким рассказом о том же жандармского осведомителя:

НАЧАЛЬНИК 7-го ОКРУГА
КОРПУСА ЖАНДАРМОВ

Октября 23-го дня
1858 года
№ 111

В Казани

*Шефу жандармов и главному начальнику
III отделения собственной его императорского
величества канцелярии, господину генерал-
адъютанту и кавалеру князю Долгорукову 1-му*

В дополнение докладной записки моей от 9-го сего октября за № 102, честь имею вашему сиятельству донести, что, как видно из донесений штаб-офицеров: французский писатель Александр Дюма отправился из Казани

в Астрахань; в Симбирск не заезжал, в Самару прибыл на пароходе и с оного на берег не сходил и вскоре отправился в Саратов, куда прибыл 8-го числа сего месяца, потребовал извозчика, поехавши с ним по городу, расспрашивал у него—не живет ли кто в Саратове из французов, и когда узнал о проживании там француза Сервье, торгующего дамскими уборами, отправился к нему в магазин, куда вскоре приехал саратовский полицеймейстер майор Позняк и пробыл тут, пока Дюма пил кофе и ел приготовленную для него рыбу, а в 8 часов вечера г. Дюма возвратился обратно на пароход. На другой день в 10 часов утра были у Дюма на пароходе чиновник, состоящий при саратовском губернаторе, князь Л о б а н о в - Р о с т о в - с к и й и полицеймейстер П о з н я к, с которым Дюма, едзя по Саратову, заезжал к фотографу, снял там с себя портрет и подарил его г. Позняку и потом отправился обедать к нему; тут же были: председатель Саратовской казенной палаты статский советник Г а н, полковник, служащий в VII округе путей сообщения Т е р м е и князь Лобанов-Ростовский. После обеда г. Дюма при сопровождении вышеозначенных лиц отправился на пароход и в 5 часов вечера отплыл в Астрахань (откуда я донесения еще не получал). Разговор г. Дюма вел самый скромный и заключался большей частью в расспрашивании о саратовской торговле, рыбном богатстве реки Волги и разной промышленности саратовских купцов и тому подобном.

[Подпись]⁷⁴

В Астрахани—только в еще более крупном размере—повторилось то же, что было в Казани и в Саратове. Гостеприимство чиновников, больших и средних, заполнило все дни, часы и минуты Дюма и его спутников. Гостеприимство приобрело чрезвычайные размеры.

Дюма был предоставлен в Астрахани дом миллионера Сапожникова, владельца богатейших рыбных промыслов в низовьях Волги,—«la plus belle maison de la ville», по определению самого Дюма.

О пребывании в Астрахани, о поездке к калмыцкому князю Тюменю (le prince Tumaine) и прочих астраханских праздниках и удовольствиях Дюма повествует в своей книге на десятках страниц (13—103). Рассказ о том же, принадлежащий скромному перу «корпуса жандармов полковника Сиверикова», более краток, но и более точен:

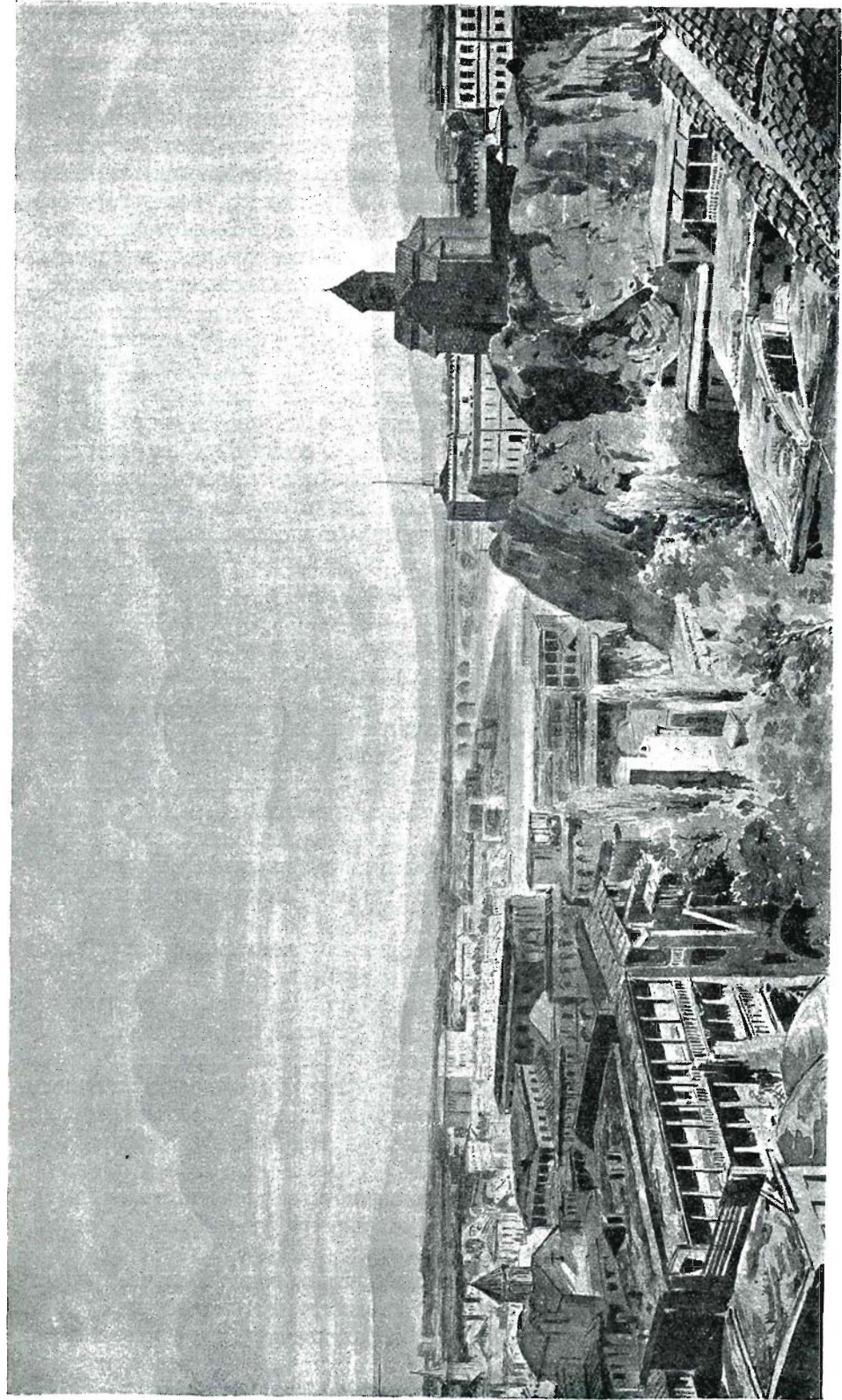
№ 12
26 октября 1858 г.
Г. Астрахань

*Начальнику 7-го округа корпуса жандармов,
господину генерал-лейтенанту
и кавалеру Львову 1-му*

• Корпуса жандармов полковника Сиверикова

Р А П О Р Т

Во исполнение секретного предписания вашего превосходительства от 4 сего октября за № 97, имею честь почтительнейше донести. Французский литератор Александр Дюма, по прибытии в г. Астрахань 14 октября, остановившись на указанной ему квартире в доме коммерции советника Сапожникова, немедленно сделал визиты астраханскому военному губернатору контр-адмиралу Машину и управляющему Астраханской губернией статскому советнику Струве, у которого в этот день обедал и провел весь вечер; на другой день, по распоряжению управляющего губернией, были ему показываемы армяне, татары и персы в домашнем их быту и в нацио-

ВИД МЕТЕХСКОГО ЗАМКА И ЧАСТИ ТИФЛИСА

Аварель художника Ж. Муане, 1858 г.

Музей изобразительных искусств, Москва

нальных костюмах, потом он обедал у военного губернатора и вечером, в сопровождении г. статского советника Струве, сделал визит персидскому консулу, а после того посетил на несколько минут танцевальный вечер в доме благородного собрания. 16 октября, по приглашению контр-адмирала Машина, присутствовал на торжественном молебствии, бывшем по случаю начатия работ по углублению фарватера реки Волги верстах в 15-ти от Астрахани, оттуда в сопровождении старшего чиновника особых поручений начальника губернии Бенземана, адъютанта военного губернатора Фермора и нескольких охотников отправился на охоту и для осмотра обширных рыбных ловлей Учужной конторы, откуда возвратился в Астрахань на частном пароходе и ужинал у г. управляющего губернией; 17 числа утром на казенном пароходе «Верблюд» в обществе военного губернатора и лиц, сим последним приглашенных, отправился вверх по Волге в имение калмыцкого князя Тюменя, где провел 17 и 18 числа в осмотре быта калмыцкого народа, их народных плясок, разных увеселений и конских скачек, откуда возвратился в Астрахань в ночь на 19 число. Утром 19 числа занимался описанием того, что видел и что было ему показано, обедал в своей квартире, а вечер провел у атамана астраханского казачьего войска генерал-майора Беклемишева; 20 числа поутру ездил в персидские лавки и покупал азиатские вещи, обедал у г. статского советника Струве, где провел и вечер; 21 числа утром писал письма в Петербург, Москву и Париж, куда также отправил по почте брошюру своих путевых впечатлений о России, обедал у лейтенанта Петриченко, с женой которого познакомился на пароходе «Верблюд»; вечером 21 и утром 22 числа занимался составлением путевых записок и приготовлением к поездке; окончив занятия, поехал с прощальными визитами к генерал-майору Беклемишеву и управляющему губернией, а в 4 часа пополудни выехал по частной подорожной, взятой в Астрахани, в г. Кизляр, откуда намерен проехать через укр. Темир-Хан-Шуру, Тарки, г. Дербент, креп. Баку, г. Шемаху, Елисаветполь и Тифлис. По этому пути астраханский военный губернатор снабдил его открытым предписанием на взимание безопасного конвоя: путь же этот избрал г. Дюма потому, что по позднему осеннему времени, или по иным причинам, ни один пароход не мог в скором времени отправиться в море.

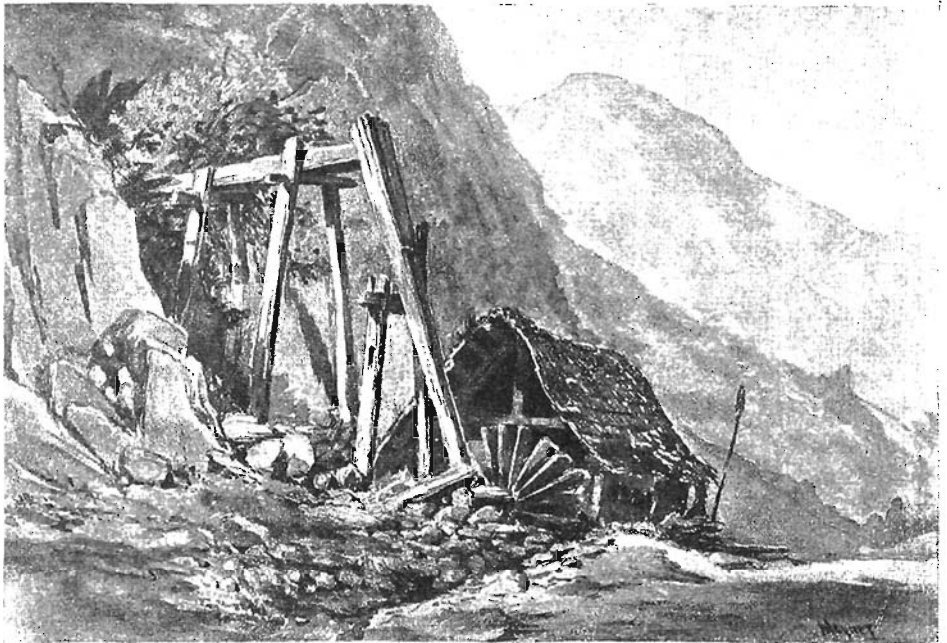
Как при прежних посещениях иностранцами г. Астрахани, так в особенности и при этом случае управляющий губернией г. статский советник Струве старался оказываемым вниманием привлечь этого иностранца к себе для удобнейшего за действиями его надзора и во избежание излишнего и может быть неуместного столкновения с другими лицами или жителями: ежели и случалось, что г. Дюма бывал в другом обществе, то никогда иначе как в сопровождении особого от управляющего губернией чиновника или полиции, и все это устраивалось весьма благовидно под видом гостеприимства и оказываемого внимания.

Во время нахождения г. Дюма в Астрахани, он вел себя тихо и прилично, но заметно разговоры его клонились к хитрому разведыванию расположения умов по вопросу об улучшении крестьянского быта и о том значении, какое могли бы приобрести раскольнические секты в случае внутреннего волнения в России. Я узнал от статского советника Струве, что он отказал г. Дюма в выдаче заграничного паспорта потому, что г. Дюма перед отъездом за границу будет в Тифлисе, где и может получить заграничный паспорт от наместника кавказского. Кроме сего имею основание

думать, что управляющий губернией об образе мыслей и любимых предметах разговора г. Дюма поставил в известность наместника кавказского, так как узнал я, что от статского советника Струве отправлена на этих днях эстафета в Тифлис, а по наведенным мною в разных его канцеляриях справкам, по делам в отправлении эстафеты к наместнику кавказскому не представлялось никакой надобности и об ней не имеется нигде официальной переписки.

[Подпись]⁷⁵

Этот великолепный документ не нуждается в комментариях: так он точен, ясен и полон. «Русское гостеприимство» казанское, саратовское, астраханское и т. д. и т. п., которое делало для Дюма путешествие по России

МЕЛЬНИЦА В КАВКАЗСКИХ ГОРАХ
Акварель художника Ж. Муане, 1858 г.
Музей изобразительных искусств, Москва

таким удобным и дешевым и которое он не устал прославлять в каждой главе своей книги, было на деле лучшим способом строжайшего политического надзора за путешественником. Бесконечные завтраки, обеды, ужины, охоты, праздники, поездки в обществе губернаторов, полицеймейстеров и всяческих крупных и средних чиновников были вернейшим средством полной изоляции общительного путешественника от всех тех слоев общества и народа, от всех тех сторон русской жизни, обнаружение и описание которых было нежелательно русскому правительству. Сам того не замечая, Дюма во все время путешествия был крепко заперт в строгом изоляторе казенного гостеприимства: лучше всяких замков и цепей удерживало оно Дюма в одиночном заключении, которое казалось ему широчайшей свободой независимого путешественника. При этой системе не надо было приставлять к французскому путешественнику никаких особых «на-

блюдателей» и шпионов, которые, благодаря своей бессменности и назойливости, всегда рискуют быть разоблаченными поднадзорным; наблюдателями за Дюма были сами гостеприимные его хозяева, из рук в руки которых он переходил в каждом городе, где останавливался.

Этот способ наблюдения был проведен с таким мастерством, что сам Дюма ни разу не догадался, что вежливейшие «*maîtres de police*», неизменно всюду встречавшие его с предложением своих услуг, ничем не отличались от своих западных коллег, а только проще, вернее и прикровеннее совершали дело тайного политического надзора.

Подобный надзор продолжался во все время пребывания Дюма в России, вплоть до того момента, пока он в Поти сел на пароход, отплывавший в Константинополь.

В результате надзора Дюма, как явствует из всех сохранившихся жандармских донесений, был найден вполне невинным,—а некоторые жандармские наблюдатели добавляли даже: и пустым,—путешественником. «Хитрое разведывание по вопросу об улучшении крестьянского быта», в котором полуобвиняет Дюма астраханский жандарм, не могло считаться преступлением в 1858 г., когда вопрос об освобождении крестьян был открыто поставлен самим правительством и обсуждался в печати. Плодом интереса Дюма к крестьянской реформе явился обширный, но поверхностнейший очерк «*Lettres sur le sérvage en Russie*» (pp. 121—271 IV тома «*En Russie*»), из 11 глав которого только 4 последние имеют своим предметом положение крестьян в России. Что же касается до разговоров Дюма о «раскольнических сектах», то вряд ли они имели хотя какой-нибудь политический оттенок: из всех русских сект Дюма интересовался лишь скопцами (19 гл. книги «*En Russie*» и 57-я—книги «*Caucase*»), но относился к этой секте с полнейшим осуждением.

4

Свое путешествие по Кавказу Дюма описал в особой книге «*Le Caucase*», построенной совершенно так же, как книга «*En Russie*»: это—причудливый и пестрый клубок дорожных приключений, жанровых сцен, исторических легенд, кулинарных воспоминаний, фантастических псевдонаучных домыслов, легких экскурсий в историю литературы—и постоянных, непрерывных упоений русским гостеприимством и собственным благополучием.

У порога Кавказа кончаются жандармские донесения полицейских гостеприимцев Дюма, но, нет сомнения, и в ногайских степях, и в горах Дагестана, и в долинах Грузии—всюду и всегда французский путешественник подвергался той же, неприметной ему, изоляции гостеприимством, для восхваления которого Дюма не находил слов. От наместника кавказского, князя Барятинского, в Тифлисе до коменданта в Шемахе все русские власти наперебой ласкали, кормили, поили, увеселяли, одаривали Дюма, и в Азии делалось все это в еще более широких масштабах, чем в Европейской России⁷⁶.

Дюма обычно обвиняют в преувеличениях. Но что его восторг пред русским гостеприимством мало преувеличен, видно из забытых воспоминаний некоего И. Евлахова, свидетеля-участника приема, оказанного Дюма при посещении им Шемахи.

Приводим в извлечениях эти воспоминания русского знакомого Дюма, оставшиеся неизвестными биографам писателя:

«С автором «Монте-Кристо» я встретился в первый раз в Шемахе, в ноябре 1858 г. Прежде чем мы увидели Дюма, молва о нем уже бежала впереди в газетных и всяких других рассказах; само собой разумеется, что такая личность многих заинтересовала, в особенности нетерпеливо желали видеть его некоторые из дам, начитавшиеся в первой молодости его романов: «Возможно ли! Дюма в Шемахе!.. Надобно видеть его поближе!»

— То-есть как это поближе?—насмешливо говорил один из ревнивых мужей своей не в меру любопытной половине.

Атлетическая дородность Дюма, здоровое смуглое лицо и густые черные курчавые с проседью волосы придавали ему оригинальность, которая бросалась в глаза. Он был в каком-то неопределенном костюме, в роде ополченки, в дорожных сапогах; в них он являлся и на базаре и в гостиной. Дюма начал свой шемахинский день официальными визитами. С ним были живописец Муане (*compagnon de voyage*)—приличный молодой человек, и некий Калино в качестве переводчика...

Дюма принадлежал к числу личностей, для изучения которых не нужно много времени. Добряк, словоохотливый, неумолимый и приятный собеседник, он высказывался весь с первой же встречи. По крайней мере таким он явился в Шемахе, где провел два дня, простота его обращения и откровенность сразу же делали его как бы старым вашим приятелем. Не стесняясь в незнакомом обществе, он свободно выражал свой взгляд на все, что бы ни было предметом разговора. Может статься, к этому располагали радушный прием, простота и нецеремонность наших провинциальных нравов.

После сделанных визитов местным властям Дюма с компанией был приглашен на завтрак в дом коменданта. Хозяин дома О-ий, старый служака, начавший первую свою молодость различными приключениями в Молдавии и прошедший много лет среди кавказской боевой жизни, отличался гостеприимством и хлебосольством: редко кто проезжал через Шемаху, не погостивши у него. Живя, что называется, нараспашку, почтенный ветеран имел привычку с первого же знакомства обходиться с каждым бесцеремонно. Так он обошелся и с Дюма.—«Послушай, Дюма,—сказал он,—я не калякаю по-французски, а вот у меня веселись сколько душе угодно; пообедаем сегодня вместе».

— «Карашо!»—отвечал Дюма.

Гость и хозяин подружились не на шутку, чему много содействовали хозяйка дома, женщина во вкусе Бальзака и страстная обожательница «дюмовских романов», из которых ей в особенности нравились «Сорок лет спустя», «Три мушкетера» и «Монте-Кристо», и сестра хозяина дома, г-жа С-чь, женщина пожилых лет, но с пылким воображением, много читавшая и странствовавшая на своем веку, единственная из шемахинских дам, которая могла объясняться на французском языке. Дюма был до того доволен сделанным ему приемом, что испещрил все стены дома карандашом. Если вам случится проехать через Шемаху и побывать в комендантском доме, то, наверное, вам укажут, между прочим, надпись Дюма над камином в гостиной:

«*Souvenir reconnaissant de mon voyage à Chemaka*».

Всматриваясь в Дюма, мы вспомнили про его портрет, помещенный пред тем в одном из номеров «Иллюстрации» (№ 26, 1858), тотчас отыскивали его и показали оригиналу. Взглянувши на изображение, имевшее с под-

линником едва заметное сходство, Дюма сказал со смехом хозяйке: «Берегите этот портрет, чтобы пугать им детей в случае, если они расплачутся или расшальются».

Дюма приехал в Шемаху через Кизляр, Темир-Хан-Шуру и Баку. Много сожалел он, что настоящая поездка его не происходила несколько ранее, когда кавказская природа красуется во всей своей прелести и величии. Несмотря на это, он был восхищен некоторыми местностями от Дагестана до Баку. Предприняв поездку в Россию единственно для свидания с некоторыми знакомыми в Петербурге и Москве, Дюма не предполагал заехать так далеко и потому запасся небольшими денежными средствами. Но благодаря гостеприимству русских, путешествие обходилось ему чрезвычайно дешево, так что из умеренного запаса своего он рассчитывал еще привезти остаток на родину.

Вечером нас пригласили к одному из зажиточных шемахинских мусульман, Нахмуд-беку, только что отстроившему дом в восточном вкусе. Пестрота обстановки, узорчатые стены и зеркальный потолок произвели эффект. Мы вошли в залу, убранную совершенно в восточном вкусе. ...Дюма с компанией, прохладяясь фруктами, курил кальян; сцена была из любой восточной кофейни с примесью нескольких человек из русских чиновников, приглашенных к Нахмуд-беку. Автор «Монте-Кристо», восхищаясь красотой и пестротой отделки дома, справедливо заметил, что в нем весьма некстати были наклеены и развешены на расписанных стенах лубочные картинки, изображавшие события персидской и турецкой войны времен Паскевича и Дибича, идиллические сцены с амурами и пастушками, которыми приличнее было украсить скорее какую-либо харчевню, чем стены великолепного дома. Здесь мы много говорили о судьбах Востока, коснеющего в невежестве, несмотря на то, что он довольно уже сблизился с Европою, о Ламартине, о Франции в особенности. „Быть передовым народом, создавать идеи для того, чтобы ими пользовалось человечество и пробуждалось к умственной и политической деятельности, — вот назначение Франции“, — сказал Дюма, оканчивая свою беседу.

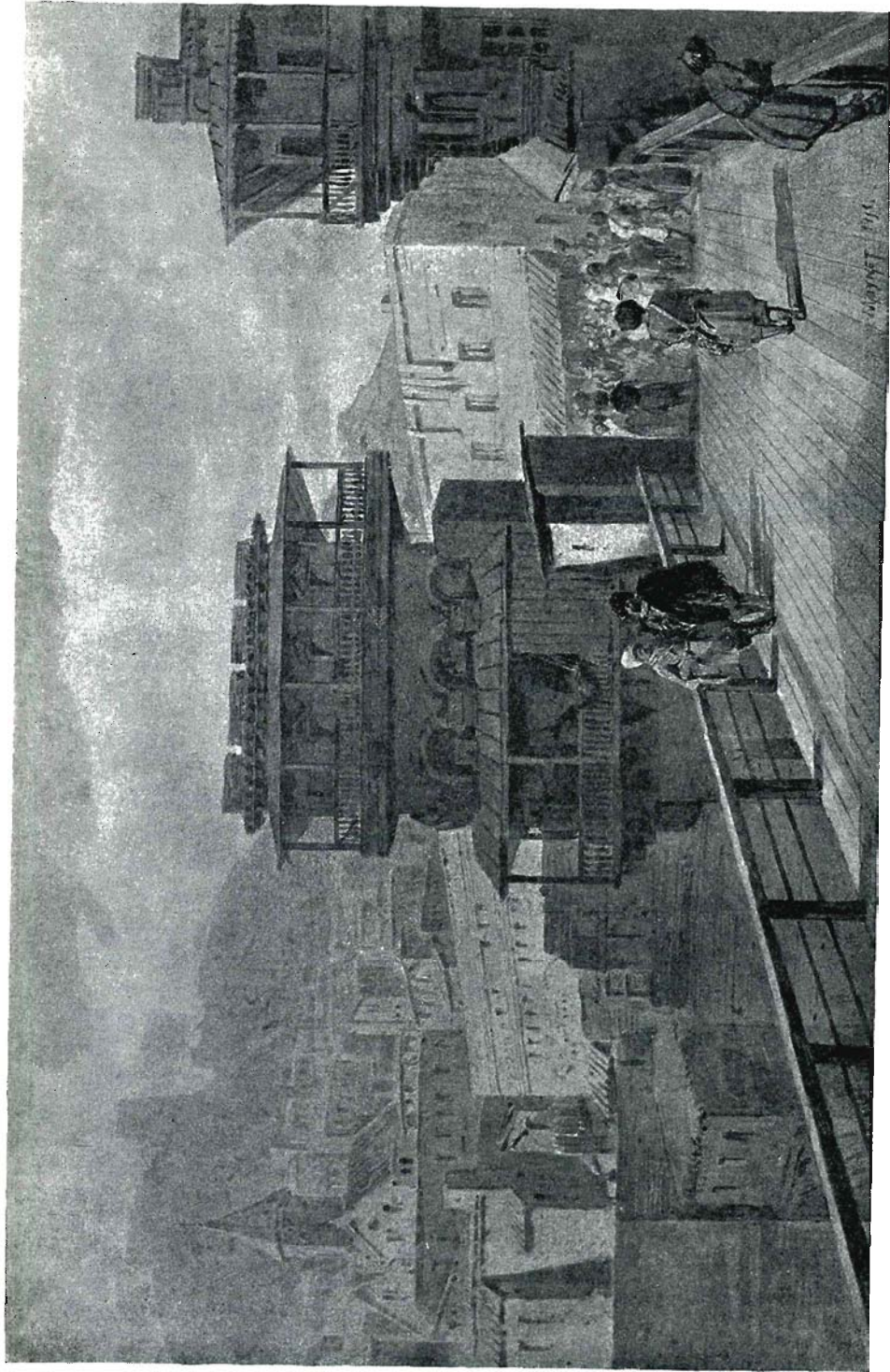
На последовавшем затем персидском вечере, «увлеченный прелестями Нись» [танцовщица. — С. Д.], Дюма после второго блюда встал из-за стола, подошел к ней, приподнял покрывало и поцеловал ее в пояс. Публика, в особенности почтенные гости из местных мусульман, сидевшие за столом, с удивлением смотрели на Дюма.

— Извините, господа: смелость везде и во всем—это преимущество, свойственное только французам,—проговорил Дюма, сознавая нецеремонность своего обращения с публикой.

«Аллах! Чего ж ожидать от простых гяуров, когда в ученых так мало совести»,—перешептывались между собой мусульмане, покачивая головой.

Ужин кончился довольно скоро; гости Нахмуд-бека начали расходиться. В полночь мы возвратились к коменданту, где ожидали нас знакомые лица.

Начались танцы гросфатером, в котором усердно упражнялся толстый Дюма. Калино плясал в промежутках казачка, Муане трудился над альбомными рисунками. Уморившись от гросфатера, Дюма потребовал бумаги и на память для желающих написал несколько стихотворений Лермонтова, переведенных им на французский язык. В три часа ночи он простился с нами, а на другой день, утром, выехал из Шемахи, оставив

МАЙДАНСКИЙ МОСТ В ТИФЛИСЕ
Акварель художника Ж. Муане, 1858 г.
Музей образительных искусств, Москва

по себе воспоминания настоящего француза—доброго, веселого малого и страстного обожателя женщин»⁷⁷.

На Кавказе давно ждали Дюма. Об его путешествии туда, как мы знаем, наместник кавказский был предупрежден шефом жандармов еще в июле 1858 г., и тогда же—20 августа—наместник отвечал кн. Долгорукову:

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО
ВЕЛИЧЕСТВА
НАМЕСТИК КАВКАЗСКИЙ

20 августа 1858 г.

№ 715

В Боржоме

Об учреждении надзора
за г. Дюма

*Главному начальнику III отделения
собственной его императорского величества
канцелярии*

Вследствие отношения ко мне вашего сиятельства от 19 июля настоящего года за № 676, по предмету надзора за г. Дюма, честь имею сообщить вам, милостивый государь, что по приезде г. Дюма в Тифлис мною будет назначен для нахождения при нем, в качестве переводчика и путеводителя, благонадежный чиновник, которому вместе с тем поручено будет и наблюдение за ним.

Этой мерой, я полагаю, совершенно удовлетворительно заменить полицейский надзор.

[Подпись]⁷⁸

Казенное гостеприимство и на Кавказе, как в Европейской России, «совершенно удовлетворительно заменило полицейский надзор» за Дюма,— настолько удовлетворительно, что он счел надзор за гостеприимство.

Парижский читатель Дюма снаряжал его в путешествие на Кавказ, примерно так, как грибоедовский «французик из Бордо»

...снаряжался в путь

В Россию, к варварам, со страхом и слезами...

На деле с Дюма вышло то же, что с грибоедовским французиком:

Приехал и нашел, что ласкам нет конца...

...будто бы в отечестве, с друзьями,

Своя провинция...

Тем не менее, во Франции распространились слухи о смерти Дюма,— распространились настолько широко и упорно, что редакция «Монте-Кристо», испугавшись, что эти слухи отпугнут читателя от журнала, сочла необходимым поместить большой портрет Дюма, «сделанный с фотографии, снятой с Дюма в Астрахани, в середине октября», и снабдить портрет уверением: «А. Дюма возвратится, вы увидите, еще более сильным, еще более молодым, чем когда он отправился в путь,—он возвратится, совершив путешествие, которое было бы не под силу десяти обыкновенным людям»⁷⁹. Русские газеты сочли нужным отозваться на эти слухи. В фельетоне «Санкт-Петербургских Ведомостей» от 30 октября 1858 г., посвященном парижским новостям, читаем: «На этом представлении [дебют Эммы Ливри в «Сильфиде» в Grand Opéra] был весь Париж, т. е. всевозможные знаменитости и известности, между прочим, и молодой Дюма, только что оправившийся от опасного падения из кабриолета. В антракте знакомые и приятели забросали его вопросами: «Имеете вы известия из России о вашем отце?—спросил его один из почитателей автора «Монте-Кристо».—Пишет он вам? Разнеслись слухи, что он умер».—«Нет, он жив и здоров. Отец мой хоть и писатель, но писать писем не любит. Я по-

лучил от него на-днях, через одного москвича, только визитную карточку, на которой карандашом нацарапано:

Que contre le destin ton cœur soit affermi
Je t'aime, je t'embrasse et t'envoie un ami.

Да укрепится твое сердце против судьбы!
Я люблю тебя, обнимаю и шлю к тебе друга.

Вот и вся его корреспонденция. Остальное можете прочесть в журнале „Монте-Кристо“⁸⁰.

Номер «Петербургских Ведомостей» с этим известием дошел на Кавказе до Александра Дюма-отца, и он, находясь в Баку, как всюду, почетным гостем начальника Бакинского уезда и полицеймейстера г. Баку, Пигулевского, пожелал опровергнуть слухи о своей смерти. Он сделал это в письме к поэту и романисту Жозефу Мері (Joseph Méry, 1798—1865). Вот это письмо:

Баку—бывшая Персия,
ныне Азиатская Россия

Дорогой Мері,

Я прочел в одной русской газете, что в Париже и даже во Франции распространился слух о моей смерти и что этот слух огорчил моих многочисленных друзей. Газета забыла прибавить, что это самое известие обрадовало моих многочисленных врагов, но это само собою понятно.

Однажды вы уже опровергли от своего имени подобное сообщение обо мне, в этот раз напечатайте от моего имени, что я не так глуп, чтобы расстаться с жизнью столь преждевременно.

Мне было бы тем более тягостно, мой друг, прервать путь во Францию, что я совершаю чудное путешествие, такое чудное, что если бы я действительно умер, то готов был бы являться ночью, чтобы рассказывать,—подобно св. Бонавентуре, который, правда, в сравнении со мною имел преимущество быть святым, что значительно облегчает восстание из мертвых,—являться, чтобы продолжать мои прерванные мемуары.

Пишу вам из Персии, из России, не знаю—откуда, вернее из Индии. Друг мой, я нахожусь в самой настоящей Персии. Сейчас Зердуст, Зорадог, Зеретостро-Зороастр, наконец, смотря по тому, как вы хотите его именовать по-персидски, по-пехлевски⁸¹, по-зендски или по-французски—мой пророк, а огонь, окружающий меня, мое божество. Подо мною земля горит, надо мною вода горит, вокруг меня воздух горит, все это могло дать повод к уверенности, что не только я уже умер, но даже, подобно Талейрану, нахожусь уже в аду⁸².

Объяснимся: злые языки могут утверждать, что я нахожусь здесь за свои грехи, тогда как я здесь для своего удовольствия.

Вам, дорогой Мері, всезнающему, известно также, что Баку, благодаря своим нефтяным колодцам, почитается гебрами, как место священное. Эти колодцы представляют собою нечто вроде предохранительных клапанов, позволяющих Баку относиться с пренебрежением к землетрясениям, опустошающим ее соседку—Шемаху; итак, я нахожусь среди этих колодцев, из которых около шестидесяти объята пламенем вокруг меня и имеют вид вулканов, ожидающих, по распоряжению Общества Кокорев и компания, превращения в свечи⁸³. Титан Анселад собирается намалевать вывеску, титан становится бакалейщиком,—что ж тут такого,—во

Франции бывают эпохи, когда бакалейщики становятся титанами,—во всяком случае, нет ничего более оригинального, как этот пылающий храм, который я видел вчера, если не считать этого пылающего моря, виденного мною сегодня.

Представьте себе, мой друг, что эти самые газы, проходящие по трубам в пять тысяч лье⁸⁴ и воспламеняющиеся на поверхности земли, чтобы подогреть труп гебрской религии, проходят тот же путь плюс пятнадцать или двадцать футов через воду, чтобы воспламениться на поверхности моря.

Все это было совершенно неизвестно, замечали только кипение в волнах, вызывавшее всеобщее недоумение,—чувствовали запах нефти, точно в вестибюле Этны или в коридоре Везувия, до тех пор, пока один неосторожный капитан, плававший среди этих вихрей, измерявший глубину вод и принимавший это явление за миниатюрный Мальстрем, не бросил в воду зажженную бумагу, которою он закурил сигару: море, ожидавшее в продолжение пяти тысяч лет этого воспламеняющего момента, загорелось на протяжении полу-лье, и капитан, воображавший себя на Каспии, оказался на Флегетоне. К счастью, подул с запада ветерок, давший возможность спастись от громадного кипящего морского котла, в котором варился суп из осетрины и тюленей.

Сегодня вечером мы повторили опыт,—море проявило свою обычную любезность и дало нам бесплатный спектакль при свете бенгальского огня. В это время, довольно фантастическое, я записал кое-что, а Моупет набросал несколько рисунков. Но, чтобы попасть в этот рай Браммы, надо было переправиться через мост Магомета, то-есть через Кавказ. Мы перерезали территорию Шамиля и дважды имели случай обменяться ружейными выстрелами со знаменитым предводителем мюридов. С нашей стороны убиты три татарина и один казак, а с его стороны пятнадцать черкесов, с которых только сняли оружие и подобрали трупы в яму. Моупет воспользовался случаем и сделал на них бесплатно несколько анатомических исследований—скажите его жене, что муж ее умеет быть экономным.

Странная машина—человеческий ум! Знаете ли, чем занимался мой ум за это время? Невольным воспоминанием и невольным переводом на французский язык подобия оды Лермонтова, с которою меня познакомили в Петербурге и о которой я даже совершенно забыл. Ода называется Д а р ы Т е р е к а и так как имеет чисто местный характер, то я присылаю ее вам.

Вот она!

Les Dons du Tereck

85

Стихи! Вы уж, конечно, не ждали, не правда ли, получить от меня стихи с Кавказа? Что ж, дражайший Мерй, вы всегда были посвящены в мои поэтические грезы. В 1827 г.—о, наша несчастная юность, где ты?— в 1827 г. я декламировал вам стихи «Кристины» на площади Лувра, в 1836 г. я вам декламировал стихи «Калигулы»—это было на Орлеанской, в 1858 г. я вам декламировал стихи «Ореста» на Амстердамской улице⁸⁶— в будущем году я вам пришлю их из Афин, из Иерусалима или из Хартума, потому что порок путешествий, дорогой Мерй, заключается в непреодолимой потребности путешествовать. Правда, здесь я путешествую по-княжески. Русское гостеприимство великолепно, подобно золотым рудникам Урала. Мой эскорт составляли почти пятьсот человек, под предводительством трех татарских князей.

Дорогой Мері, поезжайте со мною в будущем году. Ваше истинное отечество — Восток. Индия дала расцвет вашему лучшему роману, Египет дал созреть вашим лучшим стихотворениям. В голове вашей или, вернее, в сердце вашем пять или шесть романов и восемь или десять тысяч подобных стихов, ожидающих вырваться на волю, — откройте же клетку этих прелестных птиц, и я, мой друг, не замедлю крикнуть им: «Дети любимого мною отца, летите и будьте счастливы!»⁸⁷.

РАЗВАЛИНЫ СТАРИННОГО ЗАМКА В ГОРАХ КАВКАЗА

Акварель художника Ж. Муане, 1858 г.

Музей изобразительных искусств, Москва

До свидания, милый друг, вспоминайте иногда о том, кто часто вспоминает о вас.

А. Дюма

25 ноября 1858 г.,
при 25 градусах жары⁸⁸.

Преувеличенность, чтобы не сказать более, всех описательных пропорций в этом письме к Мері очевидна и не нуждается в доказательствах⁸⁹.

Неверны и находящиеся в письме автобиографические сообщения Дюма об его вооруженных столкновениях с горцами.

В своей книге «Caucase» Дюма рассказывает о двух вооруженных встречах с горцами — о случайной перестрелке с абреками во время охоты (глава «Les abrecks») и об участии в ночном «секрете» во время остановки в

Хасав-Юрте (глава «Le secret»). Вероятно, об этом последнем эпизоде Дюма говорит в сохранившемся письме к Женни Фалькон, жене Д. П. Нарышкина:

Дорогая Женни,

Этот молодой человек, родственник Дмитрия, был так любезен, что обещал рассказать вам все мои новости и успокоить вас относительно опасностей, которым мы можем подвергнуться. Сначала от этих опасностей у нас захватывало сердце, а кончалось тем, что мы находили их однообразными. Сегодня вечером для меня устраивается небольшая экспедиция к черкесам. Подробности напишу по приезде в Баку. Передайте мою любовь Дмитрию, взяв себе хороший ее кусочек, и верьте, что у подножия Кавказа я остаюсь тем же, каким был на Михайловской площади, в Петровском парке и в Елпатьеве. С почтительнейшей любовью

А. Дюма⁹⁰

Ни та, ни другая перестрелка никак не могут назваться схваткой «с знаменитым предводителем мюридов», т. е. с самим Шамилем. От легкой перестрелки с двумя-тремя горцами до встречи с отрядом Шамиля—«дистанция огромного размера»!

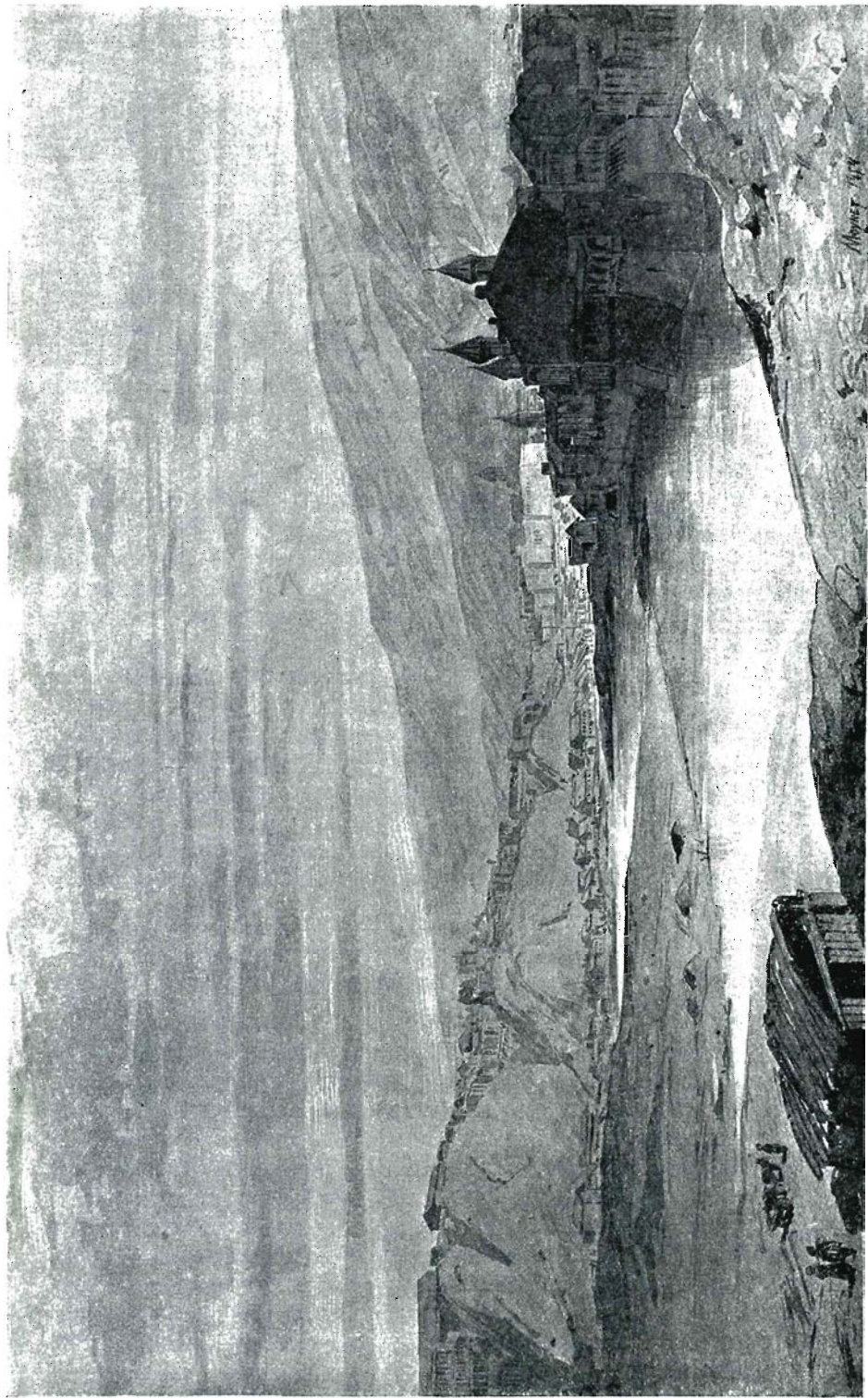
Эту «дистанцию» между повествованием Дюма и живою действительностью ярко отметил Ф. М. Достоевский после появления книг Дюма о России и Кавказе. Иной парижский путешественник,—иронизирует Достоевский, не называя, но имея в виду Дюма,—«пожалуй, напишет свое путешествие в Париже, еще прежде поездки в Россию, продаст его книгопродавцу, и уже потом придет к нам—блеснуть, пленить и улететь... Схватив первые впечатления в Петербурге, выучив мимоходом русских бояр (les boyards) вертеть стол, он решается, наконец, изучить Россию основательно, в подробностях, и едет в Москву... Затем путешественник едет далее, восхищается русскими тройками и появляется, наконец, где-нибудь на Кавказе, где вместе с русскими пластунами стреляет черкесов, сводит знакомство с Шамилем и читает с ним „Трех мушкетеров“»⁹¹.

К главе «Нижегородские драгуны» книги «Caucase», где Дюма рассказывает о своем знакомстве с этим боевым кавказским полком и его командиром, кн. А. М. Дондуковым-Корсаковым, можно сделать любопытные дополнения по русским источникам.

Кавказец А. П. Оленин сохранил воспоминание о пребывании Дюма в Чир-Юрте, в месте стоянки Нижегородского драгунского полка. Дюма был радушно принят командиром полка, кн. А. М. Дондуковым-Корсаковым, и обществом молодых офицеров, которые поголовно были поклонниками его таланта. Когда пришло время отъезда, офицеры провожали Дюма верхом. Дюма ехал на иноходце.

«Вдруг слышались выстрелы в авангарде. Вихрем понеслись вперед наездники, драгуны и казаки. Справа и слева в отдалении показались конные чеченцы. Дюма словно преобразился. Во весь опор вынесся он с нами вперед туда, где завязалась лихая перестрелка. То наскакивая, то удаляясь, горцы перестреливались с нашими.

Во все время схватки Дюма сохранил полное самообладание и с восхищением следил за отчаянной джигитовкой казаков. Вскоре горцы, обменявшись последними выстрелами, ускакали во-свояси. У нас убитых не оказалось»⁹².

ВИД НА КУРУ В ТИФЛИСЕ

Акварель художника Ж. Муане, 1858 г.
Музей изобразительных искусств, Москва

Свидетельство А. П. Оленина могло бы увеличить вескость военно-кавказских рассказов Дюма в публикуемом письме к Мері и в книге «Caucase», если бы не существовало неизданное показание, записанное В. Д. Каргановым, знатоком Кавказа и бывшим собственником письма Дюма к Мері: «М. П. Хаккель (ум. в 1929 г. в возрасте почти 90 лет), бывший около 1880 г. личным секретарем князя Ал. Мих. Дондукова-Корсакова, главноначальствующего на Кавказе, сообщил мне следующий комментарий к перестрелке с мюридами, упомянутой Дюма (в письме к Мері). В то время Нижегородским драгунским полком командовал кн. А. М. Дондуков-Корсаков, который—как он сам рассказывал—радушно принял, на своем бивуаке Терской области, знаменитого писателя. После ряда угощений и попок [о них Дюма подробно рассказывает в главе «Нижегородские драгуны».—С. Д.] он, с небольшим отрядом, выехал провожать на несколько верст своих гостей, т. е. группу путешественников, среди которых был Дюма. У первой опушки леса князю пришла мысль позабавиться симуляцией нападения горцев, для чего было послано несколько солдат-драгун в лес разыграть стычку с воображаемым Шамилем. После перестрелки романисту рассказали разные небылицы о сражении в лесу и, в подтверждение, показали ему какие-то лохмотья, обмоченные в крови барана, заколотого к обеду»⁹³.

Эта мистификация была в духе того великолепного приема, который оказывало Дюма начальство на Кавказе: писателя, заранее объявившего, что он едет «провести ночь в палатке Шамиля», угощали инсценировкой нападения чеченцев с таким же радушием, с каким в других местах угощали его баядерками, огнепоклонниками, калмыцкими наездниками, медвежьей охотой, «Ночью графа Монте-Кристо» и т. д. и т. п.

Когда Дюма вернулся в Париж, он писал оттуда Д. П. Нарышкину: «Какое это было прекрасное путешествие, дорогой друг! Скоро вы это узнаете, так как я отдаю в типографию приказание отсылать вам первому номера журнала «Кавказ», который я начинаю издавать. Там в течение 30 дней будет помещено все мое путешествие от Кизляра до Поти».

Еще позднее, в 1865 г., Дюма издал роман «Le comte de Moret» со следующим посвящением Д. П. Нарышкину:

Дорогой Нарышкин! Прошу вас принять посвященный вам роман Comte de Moret на память о царственном гостеприимстве, оказанном мне вами в России. Ex imo cordo. А. Дюма⁹⁴.

В сущности, Дюма мог бы расширить посвящение и посвятить свой роман не одному Нарышкину, а всем, кто оказывал ему «царственное гостеприимство в России»—всем полковым командирам, комендантам, полицеймейстерам, губернаторам, заместителям от Казани до Поти.

Увы, если бы Дюма мог доискаться до источников этого гостеприимства в России, ему пришлось бы посвятить свой роман шефу жандармов.

Невольно для себя, Дюма хорошо отплатил за это казенное гостеприимство, весь размах и цену которого он особенно почувствовал на Кавказе: Его «Caucase»—в сравнении с «En Russie»—оказался книгою весьма благонамеренною. В ней нет никаких неприятных для Александра II экскурсий в прошлое Романовых и их двора. Русские завоеватели Кавказа изображены в ней европейцами, приобщающими народы Кавказа к цивилизации.

В 1861 г. из типографии Главного управления заместителя кавказского вышла книга: «Кавказ. Путешествие Александра Дюма. Перевод с фран-

цузского П. Робровского» (712 стр.). Это был почти полный перевод книги Дюма: в его книге, за двумя-тремя штрихами, не оказалось ничего непозволительного с точки зрения царской цензуры.

Дюма увидел на Кавказе лишь то, что можно было видеть из золотой клетки гостеприимства; он рассказал о Кавказе лишь то, что ему разрешили рассказать его невидимые цензоры, его незримые тюремщики, которых он считал любезнейшими в свете меценатами. Описывая иллюминацию в свою честь в Баку, Дюма гордо замечал: «Нет сомнения, что самый богатый владыка в целом свете, за исключением императора Александра II, не в состоянии устроить себе в своем государстве такой вечер, который был дан нам, простым артистам. Дело в том, что искусство есть царь над императорами и император над царями».

Дюма жестоко ошибался: в России он был в тесной тюрьме, когда считал, что находится на вольном празднике в честь знаменитого художника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Воспоминания А. М. Каратыгиной» — в книге П. А. Каратыгин, Записки. Под ред. Б. В. Казанского, т. II, «Academia», Л., 1930, стр. 169—170. «Antony» был поставлен в Париже 3 мая 1831 г., в Петербурге — 11 января 1832 г.; в январе 1833 г. были поставлены в Петербурге «Ричард Дарлингтон» и «Итальянка» («Тереза»), прошедшие в Париже 10 декабря 1831 и 9 февраля 1832 г.; «Кин», поставленный в Париже 31 августа 1836 г., в Петербурге шел уже 11 января 1837 г.

² Пушкин, Письма. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского, т. II, М.—Л., 1928, стр. 121. Имеется в виду трагедия Дюма «Stockholm, Fontainebleau et Rome» (1830), переделанная из его же трагедии «Christina». — В библиотеке Пушкина сохранилась «мистерия в 5 действиях» Александра Дюма — «Дон-Жуан де Маринья».

³ Сочинения Н. В. Гоголя, изд. 10-е, т. V, М., 1889, стр. 512—514; статья «Петербургские записки» переработана в своей театральной части, из черновой статьи Гоголя «Петербургская сцена в 1835/36 г.» (там же, т. VI, М., 1896, стр. 317—323). В этой статье имя Дюма отсутствует: Гоголь внес его, приготовляя статью для «Современника» (1837, т. VI, № 3, стр. 403—423). Гоголь с иронией упоминает еще имя Дюма, как автора мелодрамы, в своем «Театральном разезде».

⁴ «Северная Пчела», 1837, № 33.

⁵ Н. В. Дризен, Из истории драматической цензуры при императоре Николае I. — «Ежегодник императорск. театров», 1914, вып. VI, стр. 50—51.

⁶ Переводы Белинского напечатаны в «Телескопе», 1834, т. XXII, стр. 98—114, 134—176, 362—390. Рецензия на «Современные повести» — во II томе «Сочинения Белинского», под ред. С. А. Венгерова.

⁷ Сочинения А. И. Герцена, под ред. М. К. Лемке, т. I, стр. 357.

⁸ «Воспоминания А. М. Каратыгиной» — в книге П. А. Каратыгин, *op. cit.* стр. 227—228.

⁹ F. Bonnaire, Théâtre de la Renaissance. — «Revue de Paris», 1839, v. IV, pp. 134—136. См. также отзыв в «Revue des Deux Mondes», quatrième série, 1839, XVIII, p. 292.

¹⁰ ЛОЦИЯ, Архив внутренней политики. «Дело канцелярии министра народного просвещения о поднесении его величеству драмы Александра Дюма и о пожаловании ему подарка. Начато мая 28 дня 1839 года. Кончено ноября 30 дня 1839 года. На 19 листах». № 141, листы 18 и 19. Далее цитируется: Дело о подарке Дюма.

¹¹ Архив революции. Фонд III отделения. I эксп. № 761. Дело «Об агентах и журналистах в Германии, к которым посылались деньги по представлению барона Швейцера. Об агенте Дюране». Часть 5, лл. 32—33. Другие части «Дела», относящиеся к Дюрану, — 1, 4, 6; там же: Отчет III отд., 1840 г., лл. 119—124 — «О журналисте Дюране».

¹² Там же, часть 5, лл. 39—42. Резолюция Бенкендорфа на донесение Дюрана легла в основу его письма к Дюрану, подписанного «George» и помеченного 13 июля 1839 г. (там же, л. 43). Дальнейшая история Дюрана сводится к следующему. Через Дюрана бонапартистами делалась попытка завязать сношения с русским правительством. После ареста одного из видных бонапартистов, маркиза Круи Шанеля (Croux-Chanel), был арестован и Дюран. При обыске у него были захвачены доку-

менты, устанавливающие его сношения с русским правительством. Французское правительство, вопреки мнению русского посла, сочло за лучшее не доводить дела до суда. Дюран был освобожден, но III отделение прервало всяческие сношения с ним. «*Saripotele*» закрылся 3 декабря 1840 г. Дюран, заболевший душевной болезнью, умер в Бельгии. Ввиду слухов, что вдова Дюрана намерена продать переписку мужа, она в 1849 г. была арестована в России, куда приехала искать места учительницы французского языка, но никаких бумаг мужа у нее не было обнаружено (сведениями этими и архивными материалами о Дюране я обязан Н. Д. Эфрос).

¹³ Об С. С. Уварове и Э. П. Мещерском см. в нашей работе: «Русские писатели у Гёте в Веймаре» («Литературное Наследство», кн. 4—6, стр. 186—236); о Як. Толстом—работу Б. Модзалевского («Русск. Старина», 1889, т. ХСIX).

¹⁴ ЛОЦИА, Фонд канцелярии министерства двора 1836 года (опись 11), 906, № 135—Дело «О живописце Горацие Вернете».

¹⁵ Там же, «Указ капитулу орденов о пожаловании г. Верне ордена св. Станислава 3-й степени».

¹⁶ Там же, Дела: «О подаренном живописцу Вернету из Царскосельского арсенала оружию» (оп. 11/1906, № 146);—«О выборе рысака и саней для подарка живописцу Вернету» (оп. 15/910, № 249);—«Об отправлении за границу яшмовой чаши для подарка художнику Верне» (оп. 175/337, № 98);—«Об изготовлении рамы для картины Вернета, изображающей шествие их величеств из арсенала в карусель и об уплате за картину 50 000 фр.» (оп. 99/936, № 74). См. также дело кабинета е. в. «О заплата г. Вернету за написанную для его величества картину «Взятие укрепления Воля», посредством векселя» (оп. 10/197, № 90) и в книге высочайших указов по кабинету е. в. «О выписке в расход брильянтовых знаков ордена св. Анны 2-й ст., пожалованных Верне» (оп. 352/1343, № 110). О путешествии Верне в Россию см. Дауот, *Les Vernetts*. 1898, pp. 140—145; «Орас Верне. Сведения о пребывании в России».—«Художественные сокровища России», 1907, № 11—12, стр. 214; Очерк «Знаменитые иностранцы, посетившие Россию. II. Гораций Верне».—«Художественный Листок» В. Тимма, 1859, № 21, 20 июля, стр. 66—68. О второй поездке Верне в Россию см.: «*Lettres intimes de M. Horace Vernet pendant son voyage en Russie*». 1842—1843 de S.-Petersbourg, P., 1856.

¹⁷ Дело о подарке Дюма, л. 1.

¹⁸ Там же, л. 12.

¹⁹ Там же, л. 6. Предполагаем, что принца Ольденбургского сопровождал в Россию граф Иван Матвеевич Толстой (1806—1867).

²⁰ Там же, лл. 3 и 4.

²¹ См. *Heidiard*, Eugène Isabey. *Etude suivi du catalogue de son oeuvre*. P., 1906.

²² «Воспоминания А. М. Каратыгиной»—см. *op. cit.*, т. II, стр. 178.

²³ См., напр., отзыв о спектакле, подписанный Ф—ни (Ф. А. Кони) в № 24 «Северной Пчель», от 30 января 1840 г. («Санктпетербургские театры»). В 1851 г. «Алхимику» был поставлен в Москве, в Малом театре, с М. С. Щепкиным в роли купца Гримальди.

²⁴ Дело о подарке Дюма, л. 8. Подтверждение Уварова о получении ответа министра двора—л. 9.

²⁵ 11 августа 1839 г. Уваров запросил Нессельроде (за № 1074) о причинах задержки перстня, а 19 августа (за № 6314) министр иностранных дел заверял Уварова, что перстень уже отправлен в Париж.

²⁶ Дело о подарке Дюма, л. 17. Этот ответ Дюма, шедший через Дюрана, дошел до Уварова только 30 ноября (ст. ст.). Из письма Дюма явствует, что он был хорошо знаком с А. И. Демидовым, бывшим в составе русского посольства. Русским послом в Париже был в то время (1835—1851) граф Петр Петрович Пален (1778—1864).

²⁷ *A. Dumais, L'alchimiste. Drame représenté pour la première fois sur le théâtre de la Renaissance, le mercredi 10 avril 1839. Bruxelles, 1839, pp. 1—2.* Другое издание: Paris, Dumont, 1839, in 8°, de 176 pp.

²⁸ См. «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Л., 1925, стр. 269—270.

²⁹ «Воспоминания Полины Анненковой». Под ред. С. Гессена и Ан. Предтеченского. М., Изд-во политкаторжан, 1929, стр. 56 и 86.

³⁰ *Alexandre Dumais, Mémoires d'un maître d'armes, Bruxelles. A. Jamar, éditeur-libraire, 1840. Deux volumes, tome II, p. 71.* В том же 1840 г. вышло второе издание романа: «*Maître d'armes*». Bruxelles. Meline. Cans et Compagne. Deux volumes. Дальнейшие ссылки—на первое издание.

³¹ *Ibid.*, II, p. 119.

³² Это впечатление вымысла не развеивает и тот анекдот, который далее следует у Дюма, будто Николай I, узнав, что упавших с виселицы вновь повесили, воскликнул с неудовольствием: «Почему не послали сказать мне об этом? Мне не подобает быть более суровым, чем бог». *Ibid.*, II, p. 111.

³³ *Ibid.*, I, pp. 175, 62—63, 73, 140—146, 157—158, 153.

³⁴ *Ibid.*, II, pp. 67—68.

³⁵ *Ibid.*, I, 198—200, 63, 122—126, 127—130; II, 36—61; I, 100—106.

³⁶ *Ibid.*, II, pp. 1—35. Можно указать, что для исторической части своего романа Дюма пользовался книгами: *с о m t e S é g u r, Mémoires, P., 1827; Ch a t e a u g i r o n, Notice sur la mort de Paul I. P., 1820; c - s s e C h o i s e u l - G o u f f i e r, Mémoires historiques sur l'empereur et la cour de Russie. P., 1829; R a b b é, Histoire d'Alexandre I. P., 1826.* В руках Дюма был, несомненно, и официальный доклад следственной комиссии по делу декабристов: «Rapport de la Commission d'enquête». S.-Pétersbourg. De la typographie de Pluchart, 1826.

³⁷ ЛОЦИА, Фонд Комитета цензуры иностранной. Рапорты. Т. II, 1841, № 670, л. 760.

³⁸ *A l e x. D u m a s, Impressions de voyage. En Russie. P., Calmann-Lévy, v. III, pp. 256—257.*

³⁹ А л е к с а н д р Д ю м а (о т е ц), Учитель фехтования. Исторический роман из времен декабристов. Перевод с французского Г. И. Гордона. Предисловие И. Неустроева. Изд-во «Время». Л., 1925. Роман напечатан по-русски в сильно сокращенном виде.

⁴⁰ Архив революции. Фонд III отделения. I экспедиция. Дело № 191, ч. 4, «О проживающем в Париже Якове Толстом». 22 февраля—1 апреля 1852 г.

⁴¹ «Воспоминания А. М. Каратыгиной»—ор. cit., т. II, стр. 229 (примечание).

⁴² *A l e x a n d r e D u m a s, Causerie. «Le Monte-Cristo». Journal hebdomadaire de romans, d'histoire, de voyages et de poésie, publié et rédigé par Alexandre Dumas seul». 1858, № 9 от 17 июня, pp. 137—138.* Далее цитируется «Monte-Cristo».

⁴³ Фельетон Ж у л я Ж а н е н а включен И. И. Панаевым в его «Заметки нового поэта» («Петербургская жизнь»).—«Современнику», 1858, т. LXX, № 7, стр. 78—89.

⁴⁴ «M o n t e - C r i s t o », № 9, 17 juin 1858, p. 137.

⁴⁵ «Письма Ф. И. Тютчева к его второй жене» (1854—1858). СПБ. 1915, стр. 132—133.

⁴⁶ *C h a r l e s G l i n e l, Trois manuscrits d'Alexandre Dumas père.—«Revue bibliographique», 1906, pp. 111—112.*

⁴⁷ «Письма Ф. И. Тютчева к его второй жене», стр. 132.

⁴⁸ Т а м ж е. Луиджи Л а б л а ш (Lablache) (1794—1858)—знаменитый певец-бас, много лет певший в Петербурге в Итальянской опере.

⁴⁹ «Современнику», 1858, т. LXX, отд. II, № 7, стр. 78—89.

⁵⁰ Н. П а в л о в, Вотяки и г. Дюма.—«Русский Вестник», 1858, т. XVI, стр. 709.

⁵¹ «Колокол» от 15 сентября 1858 г.—А. И. Г е р ц е н, Полное собрание сочинений, под ред. М. К. Лемке, т. XXII, 1925, стр. 118. Для характеристики отношений Герцена к Дюма в 40-х годах приведем его отзывы о пьесах Дюма. Во втором «Письме из «Avenue Marigny», из Парижа (3 июня 1847 г.), Герцен пишет: «До чего может пасть вкус публики и даже всякий смысл, всего лучше доказывает возможность давать гнусность в роде «Chevalier de Maison rouge» А. Дюма. Я ничего не знаю ни отвратительнее, ни скучнее, ни бесталаннее, а идет!» (Сочинения, под ред. Лемке, т. V, стр. 137). После разгрома революции 1848 года Герцен писал: «Помню еще представление «Катилины», которого ставил тогда на своем историческом театре крепко-нервный Дюма. Форты были набиты колодниками, излишних отправляли страдать в Шато д'Иф, в депортацию, родные бродили из полиции в полицию, как тени, умоляя, чтобы им сказали, кто убит и кто остался, кто расстрелян, а А. Дюма уже выводил июньские дни в римской латиклаве на сцену. Я пошел взглянуть... У меня сперся дух. Давно ли за стенами этого балагана, на улицах, ведущих к нему, мы видели то же самое, и трупы были не картонные, а кровь струилась не из воды с сандалом, а из живых молодых тел? Я бросился вон в каком-то истерическом припадке, проклиная бешено аплодировавших мещан.» («Былое и Думь», т. II, изд. «Academia», М., 1932, стр. 46).

⁵² Д. В. Г р и г о р о в и ч, Литературные воспоминания. Ред. В. Л. Комаровича, «Academia», Л., 1928, стр. 277.

⁵³ *A l e x a n d r e D u m a s, Impressions de voyage. En Russie, tome II, Calmann-Lévy, Paris, глава XXVIII, pp. 261—268.* Далее цитируется «En Russie». Рассказ жены Некрасова А. Я. Панаевой, о посещениях Дюма носит явно недружелюбный характер по отношению к Дюма и к рекомендовавшему его Григоровичу. Недружелюбность эта объясняется отчасти тем, что статья Дюма «Les journalistes et les poètes», в которой видное место уделено стихотворению Некрасова «Княгиня», едва не привела к дуэли Некрасова с доктором-французом, мужем гр. Воронцовой-Дашковой, выведен-

ной в этом стихотворении. См. А. Панаева, Воспоминания, 2-е изд., «Academia», Л., 1928, стр. 311—330.

⁵⁴ «Monte-Cristo», 1858, № 13, 15 juillet, p. 206. Первая глава «La Maison de glace» помещена в этом номере на стр. 206—208; эпилог— в № 44, 17 février 1859, pp. 718—719. Ни при одной главе романа нет никакого упоминания о Лажечникове; под каждой стоит неизменная подпись: A l e x. D u m a s—точно такая же, как под оригинальными его романами в том же журнале. Ни малейшего упоминания о том, что это перевод с русского, нет ни при одной главе. Наоборот, печатавшиеся в том же «Монте-Кристо» повести Пушкина «Выстрел», «Метель», «Гробовщик» (№№ 24, 25, 26, 27, 29) снабжены подписью «Pouchkine. Traduction d'Alex. Dumas».

⁵⁵ Письма А. Ф. Писемского к А. В. Дружинину от 2 и 18 июля 1858 г. из Петербурга— см. в сборнике: А. Ф. Писемский. Письма. Подготовка текста и комментарии М. Клемана и А. Могилянского. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1936, стр. 121—123. Отрицательные суждения о Дюма см. в петербургских газетах 1858 г.: «СПБ. Ведомости» № 129 (от 15 июня) и «Сын Отечества» № 24 (от 15 июня).

⁵⁶ «Письма Ф. И. Тютчева к его второй жене», op. cit., стр. 137. Е. П. Ковалевский (1792—1867) с 23 марта 1858 г. по 28 июня 1861 г. был министром народного просвещения, в ведении которого находилась цензура. Упоминаемая княгиня Е. В. Салтыкова (род. 1791 г.)—гофмейстерина при дворе Александра II.

⁵⁷ A l e x. D u m a s, «Monte-Cristo», 1858, № 9 (пометка ошибочная: следовало бы 10), 24 juin, pp. 154—155 и № 12, 8 juillet, pp. 186—188.

⁵⁸ Ср., напр., стр. 17—26 первого тома «En Russie» со стр. 2—11 второго тома «Mémoires d'un maître d'armes».

⁵⁹ Справка ЛОЦИА от 21 июня 1936 г. за № 323.— До тревоги, поднятой Александром II по поводу писем Дюма о Павле I, «Monte-Cristo» был во мнении Комитета цензуры иностранной журналом благонадежным. В заседаниях комитета от 12 марта и 2 апреля 1858 г. были рассмотрены №№ 1—40 журнала за 1857 г. и допущены к обращению в России, с исключением, однако, отдельных мест, №№ 18, 19, 20 и 23 (рапорт цензора Ржепецкого, № 547).

⁶⁰ Архив революции. III отделение. 3 экспедиция. Дело № 125. 1858 г. «Об учреждении надзора над французским подданным писателем Александром Дюма», на 16 листах. Листы 1 и 2. Далее цитируется: Дело III отделения о Дюма. В деле отсутствуют донесения о пребывании Дюма в Нижнем-Новгороде и в кавказских станциях и городах.

⁶¹ Н. Ф. Павлов, Вотяки и г. Дюма.— «Русский Вестник», 1858, т. XVI, стр. 703—704, 708.

⁶² Дело III отделения о Дюма, лл. 4—6.

⁶³ Charles Glinel, Trois manuscrits d'Alexandre Dumas père. «Revue bibliographique», 1906, pp. 112—113.

⁶⁴ «Ведомости Московской Городской Полиции», 1858, № 160, от 26 июля, стр. 1180, и № 163 от 30 июля, стр. 1201. Переводчик Дюма А. Кално был студентом II курса физико-математического факультета. См. «Отчет о состоянии и действиях Моск. университета за 1857/58 гг.» М., 1859 (список студентов).

⁶⁵ «Ведомости Московской Городской Полиции», 1858, № 145 от 1 августа (фельетон «Московская летопись»).

⁶⁶ У Дюма он фигурирует под именем «Le Colonel de la garde Konstantin Vargenevsky». См. «En Russie», t. III, p. 148.

⁶⁷ Дело III отд. о Дюма, л. 8.

⁶⁸ «En Russie», t. III, p. 249, 254—256, 258, 259; «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л., 1925, стр. 129, 270, 355.

⁶⁹ A l e x. D u m a s, La frégate de l'Espérance. Chapitre premier.— «Monte-Cristo», 1859, № 48, 17 mars, pp. 765—769. А. А. Бестужеву-Марлинскому, его жизни и творчеству Дюма уделил не мало места в книге «Le Caucase». В Дербенте он посетил могилу Ольги Нестерцовой, которую любил Бестужев, написал в память ее стихотворную эпитафию, которая была высечена на отдельном камне, и посвятил любви к ней Бестужева целую главу: «Oline Nesterzof». Следующая, XIX глава «La grande bataille de Caucase» (стр. 293—305)—представляет не что иное, как перевод «Письма о великой Кавказской стене» Марлинского (1832), извлеченного из собрания его сочинений. Глава XXV—«Adieux à la mer Caspienne» в большей ее половине (pp. 77—86) представляет также перевод статьи Марлинского «Прощание с Каспием» (Сочинения, изд. 1847, т. IV, стр. 5—12), причем Дюма дает такую оценку его статье: «Подумаешь, что эти страницы написаны Байроном, а между тем имя человека, написавшего их, даже неизвестно у нас! Сколько будет зависеть от меня, я постараюсь упразднить это забвение, которое, по моему мнению, есть почти святотатство». В Тифлисе Дюма ревни-

стно принялся за выполнение этого обещания. Его спутник, студент А. Калино, «лишь только начинало светать, брал перо и оставлял его в полночь, переводя с остервенением сочинения Лермонтова, Пушкина, Марлинского». Эти переводы с русского на французский были сделаны для пользования Дюма. «В Тифлисе,—говорит он,—я успел написать часть моего путешествия и почерпнуть два или три романа из кавказских легенд и из незаслуженно непризнанных, по моему мнению, трудов Бестужева (Марлинского)». «При Николае I не осмеливались признавать его талант, как человека неблагонадежного. Постараюсь воскресить во Франции то, что забыто в России». Описывая условия своей работы в Тифлисе, Дюма добавлял: «Итак, любезные читатели, если роман «Султанетта» и легенда «Шахдаг» не понравятся вам, вините в том плохую бумагу, на которой они написаны, а не меня» (см. «Le Caucase», t. III, pp. 93, 95, 96). По приезде в Париж Дюма торопил Нарышкиных с высылкой ему сочинений Марлинского и благодарил их затем за доставку книг («Revue biblio-icnographique», 1906, pp. 115, 163). Плодом всех этих занятий Марлинским был роман Дюма «Sultanetta». В Дербенте Дюма показали могилу Султанетты, возлюбленной Амалат-бека, героя одноименной повести Марлинского. Переводом-переделкой этой повести и является роман Дюма «Sultanetta». Другая повесть Марлинского, «Фрегат Надежда», безоговорочно авторизованная Дюма под ее подлинным названием, была переведена для него А. Калино. Об интересе Дюма к Марлинскому и к его романтической истории с Нестерцовой см.: С. М. Долинский, Из прошлого Дербента в «Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии», 1912, вып. I, отд. IV, стр. 1—4, и М. П. Алексеев, Этюды о Марлинском в «Сборнике трудов Иркутского государственного университета», 1928, т. XV, стр. 139, 150, 153—154.

⁷⁰ Дело III отд. о Дюма, л. 7.

⁷¹ «En Russie», III, pp. 263, 265, 267, 270—271, 276—278, 284.

⁷² Дело III отд. о Дюма, л. 9—10. О казанских чиновниках, упоминаемых в донесениях, см. «Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1858—1859 гг.», издание Академии наук.

⁷³ «En Russie», III, chap. LXIV, Saratov, pp. 284—290.

⁷⁴ Дело III отд. о Дюма, лл. 11—12 (также и в рассказе Дюма). О саратовских должностных лицах, упоминаемых в жандармском донесении, см. «Адрес-календарь... на 1858—1859 гг.», издание Академии наук.

⁷⁵ Дело III отд. о Дюма, лл. 14—16. Получив донесение астраханского полковника Сиверикова, казанский жандармский генерал Львов отослал его в Петербург шефу жандармов при рапорте за № 116 от 13 ноября (л. 13 «дела»). Упоминаемый в донесении Струве—статский советник Б. В. Струве (ум. 1889 г.)—был сыном знаменитого астронома, воспитанником Царскосельского лицея; астраханским гражданским губернатором был в 1857—1861 гг.

⁷⁶ Alexandre Dumas, Impressions de voyage. Le Caucase. Calmann-Lévy, t. II, pp. 86—87, 91—92, 96. Существует русское издание этой книги: «Кавказ. Путешествие Александра Дюма». Перевод с французского П. Робровского. С примечаниями (Н. П. Берзенова). 2 выпуска. Тифлис, 1861.

⁷⁷ И. Евланов, Дюма (отец) в Шемахе (из кавказских воспоминаний).— «Новое Обозрение» (Тифлис), 1887, № 1060.

⁷⁸ Дело III отд. о Дюма, л. 3.

⁷⁹ «Monte-Cristo», 1858, № 34, 9 décembre.

⁸⁰ «Санкт-Петербургские Ведомости», 1858, 30 октября № 237.

⁸¹ Язык пехлеви, на котором говорили и писали персы, относится к эпохе Сасанидов (до VII в. н. э.).

⁸² Дюма имеет в виду известный рассказ о посещении королем Людовиком-Филиппом Талейрана (1754—1838). Пораженный сильными страданиями, испытываемыми Талейраном, король, недолюбливавший великого дипломата, спросил его:—Вероятно, вы испытываете ужасные страдания?—Да, ваше величество, точно я в аду.—Уже?!

⁸³ «В настоящее время,—пишет Дюма в главе «Баку»,—составляется большая компания для приготовления свечей из нефти. Фунт свечей обошелся бы в 15 коп. серебром, вместо 50 коп. за фунт стеариновых свечей в Тифлисе и 35 коп. в Москве». («Caucase», t. II, p. 26). Во главе компании стоял известный московский откупщик В. А. Кокорев. Упоминаемый далее Анслад—главный из титанов, восставших против Зевса (иначе Янет и Увел).

⁸⁴ Знаток Кавказа, бывший собственник письма Дюма к Мері, В. Д. Карганов, указывает на непомерный гиперболизм Дюма в исчислении пути, проходимого по трубам нефтяными газами: «Длина труб в нефтяных колодцах редко превышает, даже в начале XX в., один километр, во времена же пребывания Дюма в Баку длина эта не

превышала одной десятой километра, тогда как он пишет о 5000 лье—25 000 километров, видимо, не зная, что весь диаметр земного шара—12 000 километров).

⁸⁵ Далее Дюма приводит свое переложение стихотворения Лермонтова «Дары Терека». Мы опускаем этот перевод, так как он напечатан самим Дюма в главе «Les abrecks» в его «Caucase»: «До Червленной остается еще 21 верста,—писал Дюма,—мы едем берегом Терека. Никакой шум не соответствует лучше поэтическому размеру, как шум реки. Я прочту вам «Дары Терека», стараясь, сколь возможно, сохранить в переводе оригинальность подлинника. Этот перевод сделан мною накануне: я хранил его еще в памяти и ехал, повторяя стихи вполголоса и оставляя лошадь на произвол». В издании Calmann-Lévy эта цитата из главы «Les abrecks» отсутствует. Мы привели ее из русского издания «Кавказа» (ор. cit., стр. 90—100). Жизненная судьба и поэзия Лермонтова издавна интересовали Дюма. В своем журнале «Le Mousquetaire» он напечатал перевод «Героя нашего времени»: «Pétchorine ou un héros d'aujourd'hui, scènes de la vie russe dans le Caucase, par Michel Lermontoff, traduction de Edouard Scheffer» («Le Mousquetaire», 1855, №№ 23—27, 29, 31—35, 37—44, 46—49). Однако, утверждение Дюма: «Я первый познакомил этого гениального человека (Лермонтова) с моими соотечественниками во Франции» («Caucase», t. II, p. 248) не соответствует действительности: первый французский перевод «Героя нашего времени»—«Un héros du siècle ou les Russes dans le Caucase», par Stolypine—появился еще в 1843 г. в газете «La Démocratie pacifique» (фельетоны с 29 сентября и 4 ноября), за которыми следовали переводы Léouzon le Duc (Paris, 1845) и анонимный, принадлежащий Louis Viardot («L'illustration», 1846, t. VIII). По просьбе А. Дюма, гр. Е. П. Ростопчина, близкое знавшая Лермонтова, написала свои замечательные воспоминания о нем, включенные Дюма в его книгу «Caucase», 1859, № 19, pp. 147—150; по-русски они впервые появились в переводе П. Робровского: «Кавказ, путешествие Дюма». Тифлис, 1861, стр. 453—461, а не в «Русской Старине», 1882 г., т. XXXV, стр. 610—620, как это утверждалось до сих пор. В главе XXXIX книги «Caucase», названной «Citations», Дюма дал свои переводы стихотворений Лермонтова «Дума», «Спор», «Утес», «Тучки», «Горные вершины» (о которых пишет: «ils sont, je crois, un souvenir de Goethe ou de Heine») и «Благодарности». Далее Дюма поместил стихотворение «Le bléssé» с пометкой: «Мы выписали из одного альбома следующее стихотворение, которого нет в собрании сочинений Лермонтова, и четверостишие «La boutade» с пояснением, что оно взято из того же альбома, но «процитировано по памяти». Оба эти стихотворения остаются неизвестными в подлиннике.

⁸⁶ Дюма имел в виду свои драмы в стихах: «Кристина», «Калигула» и «Орест».

⁸⁷ Жозеф Мерй (1798—1865)—поэт, романист и публицист. Параллельно с А. Дюма и Эж. Сю создал во французской литературе жанр романа-фельетона.

⁸⁸ Письмо Дюма к Мерй печатается в русском переводе В. Д. Карганова, известного музыкального деятеля, недавно умершего, которому до 1923 г. принадлежал подлинник письма 5½ страниц in quarto). Местонахождение этого подлинника в настоящее время неизвестно. Текст письма в переводе В. Д. Карганова и сделанные им примечания частично использованы в тексте нашей работы. Сообщены «Литературному Наследству» В. А. Мануйловым.

⁸⁹ Описание храма огнепоклонников в Баку, сделанное Дюма в письме к Мерй, интересно сравнить с рассказом А. Ф. Писемского, посетившего в 1856 г. тот же храм с таким же удобным «чичероне», как бакинский градоправитель (А. Ф. Писемский, Путевые очерки. VI. Баку. Полное собрание сочинений Писемского, 3-е изд., т. VII, стр. 539—541). Описание Дюма поражает своим гиперболизмом, сравнительно с точным и сжатым изложением Писемского.

⁹⁰ Charles Glinel, Trois manuscrits d'Alex. Dumas père.—«Revue bibliographique», 1906, p. 114.

⁹¹ Ф. М. Достоевский, Ряд статей о русской литературе. Введение («Время», 1861, кн. 1). Полное собрание сочинений, изд. 7-е, т. X, СПб. 1906, стр. 12—13, 17. Ср. статью В. Дороватовской-Любимовой, Французский буржуа. Материалы к образам Достоевского. I. Достоевский и Александр Дюма.—«Литературный Критик», 1936, кн. 9, стр. 202—204.

⁹² А. П. Оленин, Александр Дюма в «Орлином гнезде».—«Исторический Вестник», 1903, т. XCI, февраль, стр. 594, 596—597, 599—600.

⁹³ Примечания В. Д. Карганова к письму Дюма (рукопись).

⁹⁴ Charles Glinel, Trois manuscrits d'Alex. Dumas père.—«Revue bibliographique», 1906, pp. 115, 167.